

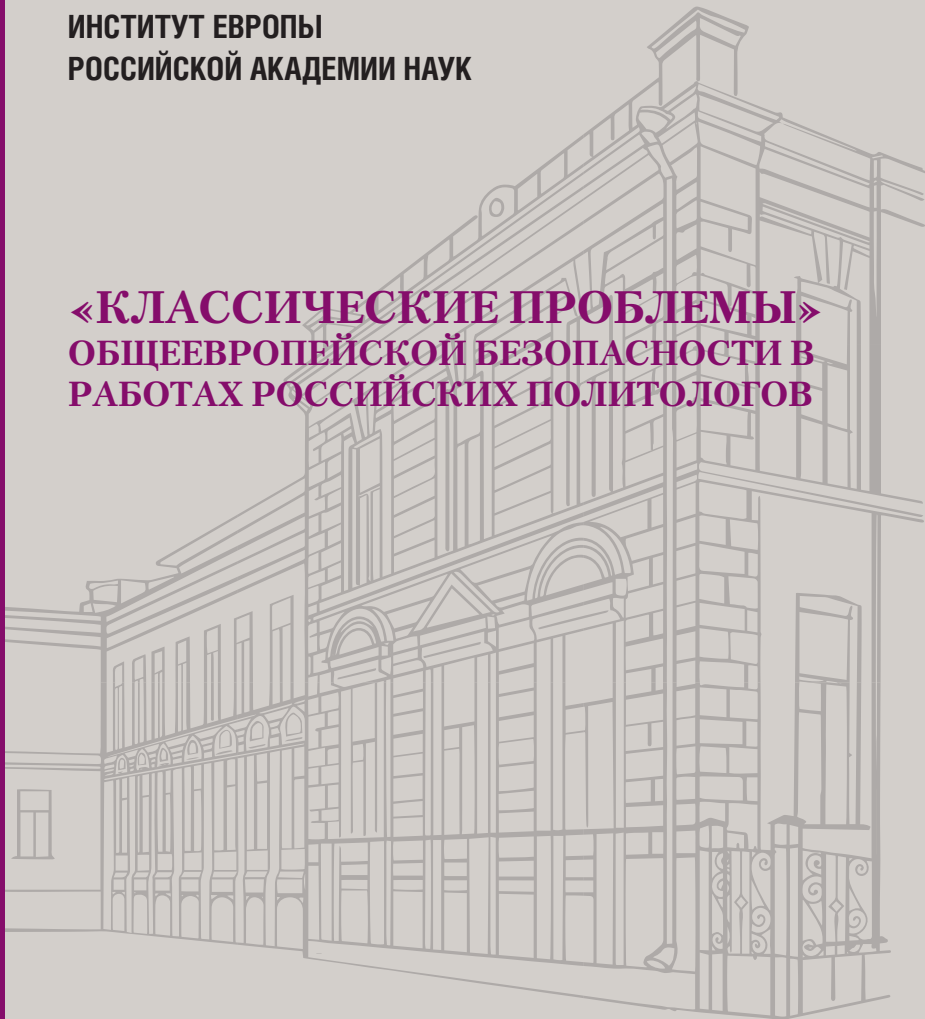
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**«КЛАССИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ»
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2022

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

А.А. Синдеев

**«КЛАССИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ»
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ**

**Доклады Института Европы
№ 396**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2022**

УДК 327.5(4):[002.2:32.001](570+571)
ББК 66.4(4),30
С38

Редакционный совет:

**Ал.А. Громыко (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Научный редактор К.Н. Гусев, редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Иванов Олег Петрович, д.полит.н., Дипакадемия МИД РФ
Лункин Роман Николаевич, д.полит.н., ИЕ РАН

Тема НИР 0167-2021-0002

«Трансформация европейской системы безопасности. Отношения России с участниками европейской системы безопасности и евроатлантическими институтами (ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ) (2021–2023 гг.)

Синдеев А.А. «Классические проблемы» общеевропейской безопасности в работах российских политологов = «Classic problems» of common European security in the works of Russian political scientists : [монография] / А.А. Синдеев. – М.: Ин-т Европы РАН, 2022. – 108 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 396). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-195-5. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report102022_396. EDN: RPCUXJ.

В монографии изучены актуальные проблемы общеевропейской безопасности, даны предложения о путях и способах активизации сотрудничества заинтересованных стран. Особое внимание уделено роли сообщества политологов в решении проблем. Аргументационные линии монографии проведены с учётом результатов двух предыдущих работ автора, посвящённых данной проблематике. Монография адресована широкому кругу читателей, магистрантам, аспирантам и исследователям.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report102022_396

© ИЕ РАН, 2022

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.A. Sindeev

**«CLASSIC PROBLEMS» OF COMMON
EUROPEAN SECURITY IN THE WORKS
OF RUSSIAN POLITICAL SCIENTISTS**

**Reports of the Institute of Europe
№ 396**

Monography

**Moscow
IE RAS
2022**

Аннотация

Монография посвящена изучению проблем общеевропейской безопасности российскими политологами. Автор продолжил концептуальную систематизацию сложившихся в отечественной политологии точек зрения о сути и взаимосвязи наиболее важных для общеевропейской безопасности проблем. Даны рекомендации о возможных способах активизации работы по разрешению имеющихся проблем и консолидации российских политологов. Автор считает, что современность позволяет повысить продуктивность взаимодействия отечественных политологов и усилить конкурентоспособность российской политологической школы в мире. Автор разрабатывает новое научное направление – политолография (изучение работ политологов).

Annotation

The monograph is devoted to the study of the problems of common European security by Russian political scientists. The author continued the conceptual systematization of the points of view that have developed in domestic political science about the essence and interconnection of the most important problems for European security. Recommendations are given on possible ways to intensify work to resolve existing problems and consolidate Russian political scientists. The author believes that modernity makes it possible to increase the productivity of interaction between domestic political scientists and strengthen the competitiveness of the Russian political science school in the world. The author has carried out the primary conceptual systematization of the points of view that have developed in Russian political science about the essence and interrelation of the problems fundamental to European security and the transformations taking place in the European space. The monograph substantiates the thesis about the constructed nature of the phenomenon of common European security and presents two algorithms for the formation of concepts. The monograph develops a new scientific direction – study of the works of political scientists.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Глава 1. О «классических проблемах» общеевропейской безопасности.....	9
Глава 2. Проблемный комплекс новых пространств.....	16
2.1. Вводные размышления.....	16
2.2. Космос.....	18
2.3. Информационная безопасность.....	22
2.4. Арктика.....	29
2.5. О сути дифференцированной максимизации.....	35
Глава 3. Проблемный комплекс российско-американских отношений.....	36
3.1. Вводные размышления.....	36
3.2. Противоречия американского доминирования.....	38
3.3. Хронология российско-американских отношений.....	43
3.4. Проблема стратегических вооружений.....	52
3.5. Предварительные рекомендации.....	58
Глава 4. Украинский проблемный комплекс.....	60
4.1. Официальная позиция.....	60
4.2. Политологический дискурс украинского кризиса.....	65
4.3. Обоснование решения о проведении специальной военной операции.....	72
4.4. Возможные последствия и задачи России.....	74
4.5. Заключительные размышления.....	76
Глава 5. Политологи о «кавказском проблемном комплексе».....	79
5.1. Цель и методология анализа комплекса.....	79
5.2. Содержательный итог концептуализации.....	80
5.3. Варианты тематического соединения.....	86
Заключение.....	88
Литература.....	93
Об авторе.....	106

CONTENTS

Introduction.....	7
Chapter 1. About the «classic problems» of common European security.....	9
Chapter 2. The problematic complex of new spaces.....	16
2.1. Introductory reflections.....	16
2.2. Space.....	18
2.3. Information security.....	22
2.4. The Arctic.....	29
2.5. On the essence of differentiated maximization.....	35
Chapter 3. The problematic complex of Russian-American relations.....	36
3.1. Introductory reflections.....	36
3.2. Contradictions of American Dominance.....	38
3.3. Chronology of Russian-American relations.....	43
3.4. The problem of strategic weapons.....	52
3.5. Preliminary recommendations.....	58
Chapter 4. Ukrainian problem complex.....	60
4.1. Official position.....	60
4.2. Political science discourse of the Ukrainian crisis.....	65
4.3. Justification of the decision to conduct a special military operation.....	72
4.4. Possible consequences and tasks of Russia.....	74
4.5. Final reflections.....	77
Chapter 5. Political scientists about the «Caucasian problem complex».....	79
5.1. The purpose and methodology of the analysis of the complex.....	79
5.2. Meaningful result of conceptualization.....	80
5.3. Thematic connection options.....	86
Conclusion.....	88
Literature.....	93
About the Authors.....	106

ВВЕДЕНИЕ

Трансформационные процессы в современном мире ускорились. Европейскую систему безопасности можно по праву называть европейской системой небезопасности. Расколы, конфликты, проблемы в среднесрочной перспективе стали неизбежными¹. Увидеть перспективу в кризисной ситуации чрезвычайно трудно².

Однако у политологов выбор отсутствует. Наряду с текущими аналитическими выкладками нам придётся интенсивнее заниматься обсуждением в актуальной научной и политической повестке дня перспективных тем, осуществлять прогнозирование и предлагать многовариантные, учитывающие интересы основных игроков, рекомендации, а также чаще слышать критику в свой адрес.

Кризис и санкции наверняка поспособствуют появлению коллективов, образованных под решение конкретных задач. Цифровые технологии позволят интегрировать в обсуждение коллег со всей страны. Современность предоставляет уникальный шанс устранить трудности внутренней консолидации и повысить продуктивность взаимодействия отечественных политологов. Если мы воспользуемся этим шансом и решим часть внутрицеховых проблем, то посткризисный этап заметно усилит

¹ Согласимся с Д.А. Даниловым, что «[п]режняя отправная точка – понимание необходимости снижения военных рисков в Европе для постепенного сближения и создания атмосферы общеевропейского сотрудничества – теперь в лучшем случае превращается в поиск путей сдерживания катастрофической военно-политической деградации» (Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН, 2022. С. 85).

² Один из вариантов перспективы см. у Ф.А. Лукьянова, для которого лавинообразный характер текущих «мировых изменений» не позволит повлиять на них. В результате «[н]а смену “внешней политике” России приходит её “международное положение” – окружающие обстоятельства, на которые надо быстро и эффективно реагировать: приспособливаться, использовать, сдерживать, предотвращать». По его мнению, успех России будет зависеть от успеха внутривнутриполитических реформ, «сохранения себя в качестве важнейшего элемента мирового ландшафта», «[а] не от вычёркивания схем мироустройства» (Лукьянов Ф.А. Министество международного положения: как изменится внешняя политика России // Коммерсант. 29.04.2022. №76. С. 5). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5329263> (дата обращения 30.04.2022).

конкурентоспособность нашей политологической школы в мире.

Одним из перспективных научных направлений на современном этапе могло бы стать развитие политолографии, анализа работ политологов. По мнению автора, политолография может писаться как в рамках проблемного³, так и концептуального подхода.

Данная работа – пример концептуального подхода, поскольку автор не рассматривает европейскую безопасность и связанные с ней проблемы как сугубо европейские (гл. 2 и 3). Автор предлагает собственную классификацию проблем безопасности. В работе проанализированы «классические проблемы» (гл. 1)⁴. Автор рискнул сделать выбор в пользу некоторых проблем, не аргументируя, по причине реализации концептуального подхода, во введении их значимость.

В отличие от проблемного подхода, фиксирующего промежуточный или итоговый рубеж, критика концептуального подхода, на взгляд автора, должна учитывать не столько полноту тематического спектра, сколько значимость и перспективность поднятых тем. Работы, написанные в рамках концептуального подхода, призваны стимулировать дискуссии и расширять тематический спектр.

К особенностям данной работы следует отнести отказ от привлечения теоретических трудов коллег, отбор статей не на основе принадлежности к журналам, а с учётом их тематической включённости в концепцию, акцент на вариантах (меж)тематической интеграции, если такая будет реализовываться, и практические рекомендации, которые могут быть интересны как коллегам-политологам, так и дипломатам-практикам.

Для автора было принципиально устранить недостаток двух предыдущих своих работ по политолографии и проанализировать статьи коллег из регионов. Частично он смог справиться с этой задачей.

³ Подробнее см.: Синдеев А.А. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов. М.: ИЕ РАН, 2020. 100 с. DOI: 10.15211/report82020_375

⁴ Дополнительно по классификации см.: Синдеев А.А. Проблемы общеевропейской безопасности в работах российских политологов. М.: ИЕ РАН, 2021. 108 с. DOI: 10.15211/report62021_384

В главе 4, посвящённой украинскому кризису, автор вписывает политологический дискурс в контекст официальной точки зрения. Это необходимо, чтобы наметить пути дальнейшей работы над данной проблематикой (см. выводы к разделу 4.2). Большинство разделов завершаются промежуточными выводами.

Политология – новое научное направление. Его успешное развитие улучшит результативность сотрудничества и при необходимости позволит институционализировать диалог (примерный алгоритм см. в главе 5).

Каждое время определяет дальнейший путь. Поэтому уже сейчас нужно задумываться о перспективах сближения с коллегами из европейских стран⁵. Следовательно, в российской политологии необходимы работы, посвящённые сопоставлению и анализу взглядов российских и европейских политологов на проблемы безопасности с выявлением (меж)тематического спектра будущего продуктивного диалога.

ГЛАВА 1. О «КЛАССИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ» ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На рубеже XX и XXI вв. общие представления о безопасности в Европе были зафиксированы в «Хартии европейской безопасности»⁶. В ней страны – участницы ОБСЕ выразили «твёрд[ую] приверженност[ь] делу формирования свободного, демократического и более единого региона ОБСЕ», в котором без-

⁵ Ср. у Ф.А. Лукьянова: «Российскому внешнеполитическому сообществу выпадает важнейшая миссия – выстраивание самых разных связей со странами, группами стран, организациями, отношения с которыми способны помочь выживанию и развитию России. В максимально конкретном ключе, на любом уровне и почти любыми средствами» (Лукьянов Ф.А. Указ. соч.).

⁶ Абрамова О.К. Отдельные аспекты деятельности ОБСЕ по обеспечению европейской безопасности // Образование и право. 2019. №5. С. 15; Бабуркин С.А. Российский подход к формированию европейской системы безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2004. №4(41). С. 1; Рахманинов Ю.Н. Место и роль Хельсинского процесса в современном мире // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2001. №1. С. 135; Фененко А.В. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: история и перспективы // Вестник МГУ. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. №2. С. 34.

опасность гарантировалась бы двуединым подходом – «укреп[лением] довери[я] между людьми внутри государств» и «разви[тием] сотрудничеств[а] между государствами»⁷, т.е. неофициальным (гражданско-гуманитарным) и официальным (институциональным) направлениями.

Эффективное соединение и функционирование обоих направлений было призвано поддержать «демократию, верховенство закона и уважение прав человека» и явилось бы «[н]аилучшей гарантией мира и безопасности в <...> регионе».

Благодаря множественности угроз и опасностей, которыми считались терроризм, «острые экономические проблемы и деградация окружающей среды», безопасность приобретала широту и многогранность, в которой «человеческое измерение», «экономическое измерение» и «военно-политическое измерение»⁸ становились (должны были стать) «единым целым».

Особо подчёркивалась важность сопредельных с Европой регионов, что автоматически переносило европейскую безопасность и происходившие в ней процессы в контекст более масштабной субрегиональной безопасности⁹.

В Хартии появилось и знаменитое положение о неукреплении «своей безопасности за счёт других государств», дополнен-

⁷ Здесь и далее в главе 1 «Хартия» цит. по: ОБСЕ. Стамбульский документ 1999 г. Хартия европейской безопасности. PCORW389. URL: <https://www.osce.org/ru/node/125811> (дата обращения 15.04.2022).

⁸ Из п. 28 «Хартии»: «Военно-политические аспекты безопасности по-прежнему являются сферой жизненно важных интересов государств-участников. Они представляют собой центральный элемент принятой в ОБСЕ концепции всеобъемлющей безопасности. Разоружение, контроль над вооружениями и меры укрепления доверия и безопасности (МДБ) составляют важную часть общих усилий по укреплению безопасности за счёт повышения стабильности, транспарентности и предсказуемости в военной области. Ключевую роль в обеспечении нашей военно-политической стабильности играют полное осуществление, своевременная адаптация и, когда это требуется, дальнейшее развитие соглашений о контроле над вооружениями и МДБ».

⁹ Один из вариантов такой трактовки европейской безопасности см.: Лебедева М.М., Юрьева Т.В. Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты // Вестник МГИМО(У). 2011. №5. С. 122-131. Авторы выступили за «комплексность» и «многоплановость» в процессе «разработки проекта архитектуры европейской безопасности», в котором состоялось бы «рассмотрение самого широкого круга проблем в рамках как “жёсткой”, так и “мягкой безопасности?”» (Там же. С. 129).

ное указанием на невозможность «государств или организаций» <...> быть наделён[ными] преимущественной ответственностью за поддержание мира и стабильности в регионе ОБСЕ» и отказом «рассматривать какую-либо часть региона ОБСЕ в качестве сферы своего влияния».

В условиях отсутствия значимых альтернатив суверенитет и свободный выбор альянсов (союзов) превращали любые неукрепления и отказы в простые пожелания. К тому же страны-участницы не захотели «создавать иерархию организаций или устанавливать между ними постоянное разделение труда».

Намерение «строить <...> отношения в соответствии с концепцией общей и всеобъемлющей безопасности, руководствуясь принципами равноправного партнёрства, солидарности и транспарентности» давало некоторую надежду на позитивный концептуальный исход, поскольку «[б]езопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех других».

Одновременно с этим страны, входившие в ОБСЕ, «решили изучить варианты, предусматривающие потенциально более значительную и широкую роль ОБСЕ в поддержании мира».

Получился довольно неоднозначный симбиоз из трёх измерений, двух направлений, одного доминирующего мировоззрения, многочисленных принципов и юридической необязательности, существенно расширенной желанием «изучить варианты». Представители государств-подписантов не могли не понимать, что достигнуть какого-либо весомого практического результата в смешении принципов и интересов будет чрезвычайно сложно.

Таким образом, ОБСЕ де-факто была признана *потенциальным* гарантом безопасности¹⁰. В плановом режиме предстояло работать над новыми полномочиями, но в этой работе нужно было учитывать три объективных обстоятельства.

Обстоятельство 1. ОБСЕ не получила необходимые для выполнения функций гаранта компетенции, потому что этого не захотели все её участники. Организация не смогла бы получить

¹⁰ Бабуркин С.А. Указ. соч. С. 1-2; Безрукова А.Ю. Россия и ОБСЕ – новое будущее начинается сегодня // Современная Европа. 2015. №4. С. 81-92; Мехдиев Э.Т. Роль многосторонней дипломатии в условиях глобализации на примере ОБСЕ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3(10). С. 87-95.

подобные полномочия, потому что некоторым странам пришлось бы встать на путь ликвидации собственных организаций в сфере безопасности. Это обстоятельство ограничивало любые попытки среднесрочного расширения полномочий и усиливало периферийность ОБСЕ на общеевропейском ландшафте безопасности.

Обстоятельство 2. Даже в кругу крупных стран отсутствовало согласованное детальное видение будущего (суб)региона и сути равноправия. В настоящее время не столь важно, какие усилия прикладывались, чтобы добиться этого видения. Принципиально другое: не были найдены ни средства, ни структуры, ни необходимые площадки, ни нужный персонал для того, чтобы сделать данное видение интеллектуальной потребностью в общественном сознании государств – членов ОБСЕ.

Обстоятельство 3. Стороны не захотели пойти и на сужение актуальной повестки Организации, хотя при большом количестве участников сужение предмета обсуждения, как правило, помогает.

К 2014 г. «архитектура европейской безопасности» оставалась размытой. Речь могла идти исключительно о контурах безопасности, поскольку не было ни программы создания архитектуры, ни детального общего представления о ней. Присутствовала иллюзия наличия времени и возможности длительного эволюционного развития.

С разной степенью комфортности страны-участницы привыкли жить в условиях затянувшейся эволюции и вызванных ею проблем. Следовательно, многие из них не считали (не хотели считать) происходившие процессы и проблемы опасными, разрушающими их безопасность. Это также подкрепляло логику планового режима эволюции.

В русле данной логики, по всей видимости, и стоит понимать замечание А.В. Загорского о том, что «[с]овременный кризис в отношениях России с Западом остановил формирование включающей РФ архитектуры региональной безопасности»¹¹.

Обратной стороной «плановости» стала конкуренция струк-

¹¹ Загорский А.В. Хрупкое спокойствие Арктики // МЭиМО. 2018. Т. 62. №9. С. 99.

тур и организаций в «архитектуре». Продолжение конкуренции уменьшало шансы на продуктивный диалог. С одной стороны, принималось во внимание то, что плановые конкуренция и диалог были не мыслимы вне стабильной мировой системы; с другой стороны – забывалось о том, что подобная плановость в несформировавшихся системах порождает новые вызовы, создаёт новые условия, поощряет ещё большую конкуренцию и затуманивает взгляд на происходящее.

Иллюзия наличия времени и выжидания более сильной договорной позиции сыграла со сторонниками плановости злую шутку. Потенциал существующего оказался неустойчивым к кризису, а значит – звучащие сегодня упреки в разрушении «архитектуры европейской безопасности» в лучшем случае являются преувеличением.

Вышеотмеченное позволяет выделить первую черту «классических проблем» общеевропейской безопасности: их значительность неуклонно приуменьшалась. Стороны были готовы терпеть и решать эти проблемы в регулярном порядке.

Второй чертой становится замороженность большинства проблем; по-иному – признание одновременности и непротиворечивости сосуществования «архитектуры» и проблем¹². Это позволяет высказать гипотезу о проблемности самой «архитектуры». Если данная гипотеза верна, то устойчивой установкой может стать утверждение, что «архитектура» якобы не способна существовать без проблем.

Главная опасность подобной установки заключена в самооправдании элит и их устранении от ответственности и скорейшего разрешения проблем(ы).

Другая опасность состоит в сложности постоянной мобилизации общества, поскольку нормальность одной проблемы едва ли удастся при необходимости длительное время обосновывать через аномальное проявление другой. Общественное сознание не склонно дифференцировать.

Проблемы, независимо от их природы, должны быть либо нехарактерными для «архитектуры» (тогда нужны работающие механизмы и средства их решения или устранения), либо при-

¹² Замороженность часто обосновывалась переговорными перспективами.

вычными (тогда акцент должен смещаться на исключительность поддержания «архитектуры», а проблемы будут восприниматься как естественно-неизбежный продукт эволюции).

Соединение «архитектуры» и проблем, с моей точки зрения, не имеет особого смысла и объясняется использованием в политике бытового типа мышления (к примеру, утверждений подобных тому, что «жизнь не может обходиться без проблем»). В международных отношениях проблемы в большинстве своём обуславливаются субъективными страновыми факторами.

Третья черта «классических проблем» в рассматриваемом контексте – желание сохранить статус-кво. При имевшейся плановости цель в виде сакрализации статус-кво иллюзорна и даже опасна. Если статус-кво в существующей «архитектуре» не нарушается, то включается плановый модус со всеми его недостатками. Если ожидается переход к другому статус-кво, то должна произойти мобилизация и якобы нужно (с)делать всё, чтобы вернуть прежнее состояние статус-кво.

Подобное поведение можно признать оправданным только, если одна из сторон понимает под статус-кво положение, которое, в силу предшествовавшей реализации национальных, союзнических интересов, планов и программ, её в целом устраивает. В противном случае речь нужно вести не о статус-кво, мало что значащем в условиях отсутствия функционирующей архитектуры, а о результативном формировании архитектуры.

Региональный статус-кво в сфере безопасности зависит от согласованного движения к общей цели. Если это не признать с самого начала, то правильнее руководствоваться государственными и межгосударственными статусами-кво, которые никак не связаны с «архитектурой».

Пояснить последний тезис можно и иначе. Для этого вспомним, что в Европейском союзе территориальные проблемы и спорные вопросы для стран-кандидатов практически всегда нивелируются с помощью потенциала расширения пространства сотрудничества и общих свобод.

Почему же нельзя было решать общеевропейские проблемы через расширение пространств и свобод, т.е. через обязательства по созданию настоящей архитектуры?! Ответ возмо-

жен только один: «Потому что отсутствовало желание построить архитектуру “в соответствии с концепцией общей и всеобъемлющей безопасности”».

Контекст «архитектуры» изменяет восприятие проблем. Они становятся вторичными, а механизмы их решения и устранения, наоборот, первичными. «Классические проблемы» в контексте «архитектуры» – это некие неразрешённые, потенциально неопасные для безопасности ситуации. Реальную опасность представляет пробуксовка механизмов.

Парадокс в том, что подобным образом «классические проблемы» не оцениваются. Следовательно, контекст «архитектуры» и реальность желания (способности) сотрудничать в больших форматах должен быть полностью исключён из нашей последующей работы как бывший и остающийся пока, к сожалению, нереальным¹³, а под «классическими» общеевропейскими проблемами придётся понимать разрозненные, отличающиеся по содержанию и составу участников комплексы, связанные между собой лишь формально – к примеру, территорией происхождения или организационной принадлежностью.

После подобной констатации автор вынужден сделать восемь пояснительных уточнений.

Во-первых, в современной политологии приходится иметь дело не столько с проблемами, сколько с проблемными комплексами, состоящими из самостоятельных (суб)проблем, что делает неизбежным их содержательное переплетение и пересечение.

Во-вторых, разрозненность означает наличие множества проблемных комплексов, важность которых автор подчёркивает отдельными главами.

В-третьих, автору предстоит рассмотреть природу каждого из комплексов, выявить его особенности, конфликтный потенциал, а также то, что можно решать в условиях разрозненности и санкций как внутри отдельного проблемного комплекса, так и между несколькими проблемными комплексами.

В-четвёртых, автор не сможет отказаться от иерархии про-

¹³ Подробнее см.: Синдеев А.А. Проблемы общеевропейской безопасности... С. 77-94.

блемных комплексов¹⁴ и практических рекомендаций.

В-пятых, рекомендации придётся классифицировать на рекомендации без «архитектуры» и на рекомендации с «архитектурой», если в последнем случае будут наблюдаться какие-то позитивные подвижки.

В-шестых, автору предстоит дать ответ на кажущийся простым вопрос «Что же мы действительно способны (раз)решить без “архитектуры”?». Иными словами, речь пойдёт о потенциале ограниченного.

В-седьмых, автор полагает, что текущие тактические преимущества отдельных стран не могут гарантировать им стратегические преимущества.

В-восьмых, автору придётся изначально согласиться с критикой коллег, так как часть важных, по их мнению, проблем он оставит вне предмета данного исследования. Автор заранее выражает благодарность за любую конструктивную критику и ссылается в качестве пояснения своей позиции на две предыдущие работы в серии «Доклады Института Европы РАН»¹⁵.

Автор продолжает оставаться убеждённым в том, что системный характер мировой безопасности напрямую зависит от успехов системы общеевропейской безопасности, чему в итоге не способны помешать ни отличия в статусах, ни текущие кризисы, ни всякого рода самоограничения и заикленности.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМНЫЙ КОМПЛЕКС НОВЫХ ПРОСТРАНСТВ

2.1. Вводные размышления

Новые пространства повышают политическую активность. Благодаря им создаётся впечатление о не виданных доселе вызовах. Политики высказываются за новые подходы, требуют развития привычных институциональных структур. Последние, после небольшой модернизации, странным образом оказываются приспособленными к обслуживанию новых вызовов и прост-

¹⁴ Об иерархии см. заключение данной работы.

¹⁵ Синдеев А.А. Проблемы трансформации европейской безопасности...; Синдеев А.А. Проблемы общеевропейской безопасности...

ранств. Об институциональном развитии временно забывается.

При этом новое, как правило, появляется в политической повестке дня отнюдь не революционно. И космос, и Арктика, и Интернет, включая их возможности, были известны задолго до того, как политики заговорили об их вызовах. Налицо эффект отложенного осмысления: феномен допускается, потом осваивается, а затем начинается борьба за его регулирование. Новое в такой новизне отсутствует.

Потенциальное указание в качестве возражения на взаимосвязь изменения климата и доступности ресурсов Арктики не оспаривает эффект отложенного действия, поскольку потребность в ресурсах компенсировалась государствами иными рентабельными способами. Да и текущая политическая повестка дня препятствовала предварительным стратегическим шагам в этом направлении. Эффект отложенного действия был дополнен самоограничением.

Более любопытны для исследователей скрытые особенности политической активности, выражающиеся в усложнении пространств и изменениях состава участников.

Новое существенно усложняет остальные пространства безопасности, поскольку лишь в идеале движение к нему должно происходить после совершенствования и преодоления неразрешённости прежнего. На самом деле неразрешённость нового лишь добавляется к неразрешённости прежнего. Одни проблемные комплексы заменяются в текущей политике другими.

Это и составляет эффект усложнения пространств, приводящий к тому, что акторы вынуждены искать новые площадки с иным составом участников. С одной стороны, подобный подход имеет ряд плюсов (например, привлечение к работе свежих игроков), с другой – дискредитируются прежние площадки и их потенциал.

Политическая активность в одном направлении едва ли повышает общую политическую мобильность, хотя бы в пределах региона. Не всегда стабильность способна компенсировать и отсутствие политической мобильности. При множестве вызовов компенсация может не удасться, поскольку акторы начинают борьбу за правила и их интерпретацию.

В этих условиях участники вынуждены выбирать между попыткой регламентировать и движением в привычном составе.

2.2. Космос

Очередной этап освоения космоса западными странами проходит на нескольких площадках. Официальный старт этапа, по мнению Ю.Я. Белоброва, состоялся 14 июля 2019 г., когда президент Франции Э. Макрон заявил о «создании Космического командования» в ВКС страны. Данная мера должна была «укрепит[ь] <...> знание обстановки в космосе, [позволить] лучше защищать свои спутники»¹⁶. Бюджет французской космической программы с 2019 по 2025 г. планировалось выдержать на уровне 4,3 млрд евро.

В ноябре 2019 г. министры иностранных дел стран – участниц НАТО решили признать космос «новой сферой операций блока в интересах противодействия вызовам его безопасности, а также для осуществления политики сдерживания»¹⁷. На Лондонском саммите НАТО того же года предварительное решение министров было утверждено главами государств и правительств.

В феврале 2020 г. между НАТО как организацией и четырьмя странами-участницами (Италией, Францией, Соединённым Королевством и Соединёнными Штатами) был подписан «Меморандум о взаимопонимании по дальнейшему предоставлению военным структурам альянса услуг военной спутниковой связи в рамках SATCOM на ближайшие 15 лет»¹⁸. Со стороны НАТО за координацию и обработку данных отвечает Агентство по связи и информации.

17 июня 2020 г. министр обороны США М. Эспер проинформировал общественность о четырёх положениях «Оборонной космической стратегии США»: о намерении создать «комплексно[е] военно[е] превосходство в космосе и других средах»; об «интеграци[и] военно-космической мощи в национальные, совместные и комбинированные боевые операции»; о «формировании[и] стратегической обстановки» и о «развити[и] сотрудничества с союзниками, партнёрами, военно-промышленным

¹⁶ Белобров Ю.Я. НАТО нацелилась превратить космос в собственную вотчину // Международная жизнь. 2022. №4. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Белобров Ю.Я. Указ. соч. С. 7.

комплексом и другими национальными ведомствами США»¹⁹, т.е. о желании США захватить и обеспечивать длительное лидерство. Постоянный рост военно-космического бюджета США становится неизбежным.

Постепенно детализировались контуры координации сотрудничества в рамках НАТО. В октябре 2020 г. внутри альянса прошла дискуссия министров обороны о «ново[м] Космическо[м] центр[е] НАТО при Союзном командовании ВВС в Рамштайне (Германия)», необходимом для координации «при проведении миссий, военных операций и учений»²⁰.

На фоне угроз Д. Трампа вывести войска из ФРГ эта страна поддержала размещение связанных с альянсом космических структур. В преддверии натовского октябрьского решения правительство ФРГ «объявило о создании нового Центра воздушно-космических операций»²¹. Германия включилась, или была включена, в военное освоение космоса.

Великобритания в ноябре 2020 г. также заявила о «создании Космического командования в рамках королевских ВВС»²². Б. Джонсон заговорил даже о «глобальном лидерстве» страны. Особое значение тогда было отведено проекту космодрома в Шотландии.

В марте 2021 г. Франция вместе с американцами и немцами провела военно-космические учения *AsterX2021*²³, которые, по всей видимости, закрепляют становящуюся доминирующей закономерность: усложнение технологий приводит к невозможности одиночного обеспечения технологического лидерства, что, в свою очередь, поощряет межсоюзническую координацию («совместные и комбинированные боевые операции»). Масштаб координации стран – участниц НАТО влияет на желание регули-

¹⁹ Белобров Ю.Я. Указ. соч. С. 9.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 13.

²² Там же.

²³ «[С]пециалисты отработали реагирование на такие потенциально опасные события, как обнаружение спутников-шпионов или небесных тел, угрожающих Земле <...> Учения <...> получили своё название в честь спутника, который был запущен на орбиту Францией в 1965 г.». URL: <https://rg.ru/2021/03/10/francii-nachala-pervye-v-istorii-evrosoiuza-voenno-kosmicheskie-ucheniia.html> (дата обращения 11.03.2021).

ровать или ограничивать сферу сотрудничества в космосе.

«Париж, – отмечает Ю.Я. Белобров, – внезапно без каких-либо веских на то причин не только отказался присоединиться к международной инициативе по политическому обязательству о неразмещении первыми оружия в космосе»²⁴. Кроме того, «на Женевской Конференции по разоружению Франция выступила на стороне наиболее активных оппонентов разработки юридически обязывающего инструмента по ПГВК²⁵ на основе соответствующего российско-китайского проекта договора»²⁶.

14 июня 2021 г. очередной саммит НАТО решил активизировать работу в космосе «с помощью Космического центра НАТО в Германии и предстоящего создания во Франции Центра передового опыта НАТО в области космоса»²⁷.

В экспертном докладе «Повестка дня НАТО до 2030 г.», подготовленном к саммиту 2021 г., рекомендуется «объявить космос приоритетной операционной средой», привлечь частный бизнес к космической программе.

Ю.Я. Белобров предлагает учитывать также проекты ПЕСКО²⁸ (по сути, проекты двойного использования): «создание систем раннего предупреждения о ракетном нападении с использованием действующей системы глобальной навигации космического базирования “Галилео”, развёрнутой Францией с участием Испании, Италии, Голландии и Финляндии, и Европейской сети военно-космического наблюдения (EU-SSA-N), формируемой Францией и Италией для защиты европейских космических объектов и услуг»²⁹.

Внутренняя многосторонность НАТО трактуется российск-

²⁴ Белобров Ю.Я. Указ. соч. С. 12-13.

²⁵ Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве.

²⁶ Белобров Ю.Я. Указ. соч. С. 13.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Мельникова Ю.Ю. На пути к стратегической автономии ЕС: промежуточные итоги // Современная Европа. 2021. №7. С. 123-132; Никольский М.А. Перспективы развития европейской оборонной политики // Гуманитарный акцент. 2021. №2. С. 53-57; Никуличев Ю.В. «Пробуждение спящей красавицы»: программа PESCO между атлантизмом и европеизмом // Проблемы европейской безопасности. 2018. №3. С. 47-63; Тимофеев П.П. Сравнительный анализ приоритетов Франции и ФРГ в развитии PESCO // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. №2. С. 33-47.

²⁹ Белобров Ю.Я. Указ. соч. С. 14.

ими политологами негативно. Тот же Ю.Я. Белобров, призывая «активизировать глобальную кампанию по борьбе за мирный и безопасный космос», отмечает, что «[п]о вине НАТО в использовании космоса международное сообщество подошло к историческому перепутью»: либо космос будет «средой сотрудничества», либо он превратится в «арен[у] ожесточённой конфронтации, гонки вооружений и военных конфликтов»³⁰.

Выводы к разделу 2.2

1. Главная особенность проблемного комплекса космоса заключается в том, что его потенциал и возможности нужны для многих стран, а позволить себе развивать космические технологии могут лишь немногие.

2. Последствия пандемии и необходимость финансирования национальных программ восстановления повышают зависимость развивающихся стран от «западного лагеря», если развивающиеся страны считают коллективный Запад своим союзником.

3. В этой связи отрегулировать, а по сути – ограничить доминирование, мощное средство влияния, вряд ли получится. Большинство обладателей космических технологий будут стремиться избежать правовых рамок.

4. Дисбаланс интересов и возможностей создаёт благоприятную почву для кооперации России как космической державы с некосмическими государствами, если с самого начала предложить конкретные многоэтапные проекты, программы, соглашения, договоры и объяснить границы кооперации.

5. Поскольку сложные (комплексные) технологии уменьшают самостоятельность, технологические партнёрства могут превратиться в мощное средство объединения и рождения реальных альтернатив в остальных проблемных комплексах.

6. Кооперация на основе транспарентных принципов способствует разделению ролей. Часть государств обоснованно будет играть активную роль; остальные, благодаря кооперации, смогут выбрать между ролями потребителя и соучастника. Вследствие этого образуются внеценностные сети интересов и сотрудничества.

7. В гонке вооружений в космосе Россия сможет выступать

³⁰ Белобров Ю.Я. Там же. С. 14.

адвокатом некосмических государств, участвующих с ней в проектах и программах, а также стран, подписавших с РФ соглашения и договоры.

8. Активная кооперация не препятствует работе над имеющимися дипломатическими инициативами и национальными программами. Она помогает дополнительно обосновать их значимость.

9. Кооперация не допустит ограничение технологических возможностей России в духе приемлемого «формирования стратегической обстановки».

10. Успешные результаты кооперации позволяют расширить интерпретацию общеевропейской проблематики безопасности, классифицировать имеющиеся проблемы на сугубо региональные и межрегиональные. Не исключено использование оправдавших себя средств разрешения межрегиональных проблем и для регионального сегмента общеевропейской безопасности.

2.3. Информационная безопасность

Ставшие безальтернативными из-за пандемии цифровые технологии³¹ также создают новое пространство. По мнению С.А. Семедова, социальные сети как один из элементов этого пространства предоставляют возможности для «манипуляции на международной арене», «информационных войн» и поэтому влияют на «информационн[ую] безопасность и сохранение национальной идентичности»³².

Европа отказалась от общего подхода к информационной безопасности. В 2016 г. НАТО признала «киберпространство <...> сферой операций». В 2017 г. были утверждены «обновлённый План киберобороны и “дорожная карта”»³³, усиленные

³¹ Чекова Ж.М. Формирование глобальной системы информационной безопасности будущего: новые ракурсы // Международная жизнь. 2021. №5. С. 58-63. О важности проблемного комплекса для России см.: Бойко С.М. Новые стратегические ориентиры России в области международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2021. №6. С. 52-61. См. также: «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности (Указ Президента РФ В.В. Путина №213 от 12 апреля 2021 г.). URL: // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104120050> (дата обращения 02.02.2022).

³² Семедов С.А. Информационные технологии трансформируют международные отношения // Обозреватель – Observer. 2022. №3. С. 41-42.

³³ Штоль В.В., Задохин А.Г. Информационно-коммуникационные технологии

национальными стратегиями государств-участниц.

Прибалтийские центры, с точки зрения В.В. Штоля и А.Г. Задохина, стали «цифровы[ми] форпост[ами] альянса для отработки стратегии информационно-гибридных войн»³⁴.

Усиление противостояния в информационной сфере «измен[яет] логик[у] глобального противостояния», поскольку «интенсивное применение невоенных методов с использованием ИКТ приводит к достижению целей <...> без вооружённой борьбы; развивается тенденция к исчезновению промежуточных этапов между мирным состоянием международных отношений и переходом их в состояние войны, идёт размывание грани между обороной и нападением»³⁵.

В этих условиях Россия и её партнёры были вынуждены активнее задействовать ООН. С 2006 г. действует Форум ООН по вопросам управления Интернетом (ФУИ). В 2025 г. запланировано заседание ФУИ в России. Наша страна и её партнёры настаивают на полной реализации Тунисской программы 2005 г.³⁶

Россия интенсивно работает над «формирование[м] системы международной информационной безопасности»³⁷ и «проблем[ой] интернационализации управления Интернетом»³⁸. Под

и информационная безопасность России // Обозреватель – Observer. 2022. №5-6. С. 72.

³⁴ Там же. См. также: Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. Вып. №5. С. 50-67.

³⁵ Штоль В.В., Задохин А.Г. Указ. соч. С. 75.

³⁶ Тунисская программа для информационного общества. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R. 15.11.2005 г. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения 17.07.2022). О Тунисской программе см.: Бекетов Н.В. Политико-правовые аспекты глобальной информационной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. №3(24). С. 81-82; Истомин Н.А. Модель участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом на международном уровне // Право и политика. 2020. №5. С. 92-93; Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом: проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО(У). 2010. №6(15). С. 170-171.

³⁷ Бойко С.М. Указ. соч. С. 54.

³⁸ Малинкин В.В., Кошкин А.Р., Федоренко А.М. Форум ООН по вопросам управления Интернетом. Есть ли у него будущее? // Международная жизнь. 2022. №2. С. 56. Некоторые документы о вкладе России см.: Международная информационная безопасность: Теория и практика. Учебник в 3-х т. / под ред. А.В. Крутских. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2019. С. 162-256.

управлением понимается «организаци[я] использования Сети на международном уровне при полномасштабном участии правительств, частного сектора, гражданского общества и международных организаций в рамках выполнения ими своих задач и обязанностей»³⁹.

С помощью «Кодекса поведения в международной информационной сфере»⁴⁰, юридических обязательств и через включение «Правил поведения ШОС»⁴¹ имеется возможность преодолеть монополию США, поскольку Интернет является «глобальным инструментом», и ни одна страна не должна иметь право управлять им единолично.

Позитивные, с точки зрения В.В. Малинкина, А.Р. Кошкина и А.М. Федоренко, импульсы содержатся в предложениях Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, выступившего за улучшение координации обсуждения (среди прочего – за создание «многостороннего органа высокого уровня») и за «ограниченно[e] числ[о] стратегических вопросов»⁴².

В направлении интернационализации управления Интернетом приходится действовать малыми шагами, о чём свидетель-

³⁹ Там же. С. 56-57.

⁴⁰ Сеидов Ш.Г. Роль информационных процессов в изменении современных международных отношений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. №1. С. 98-105; Ясносокирский Ю.А. Международное информационное право как регулятор международных отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий // Международная жизнь. 2022. №3. С. 88-91; Яникеева И.О. Перспективы механизма санкций СБ ООН по вопросам международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2022. №5. С. 106-115.

⁴¹ Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности: Приложение к письму постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединённых Наций от 12 сентября 2011 г. на имя Генерального секретаря (A/66/359). URL: <https://www.rus.rusemb.org.uk/policycontact/69> (дата обращения 10.03.2022). См. также: Зинченко А.В., Толстухина А.Ю. Мир или война в киберпространстве? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-ili-voyna-v-kiberprostranstve/?sphrase_id=33984110 (дата обращения 11.03.2022); Ступаков В.И. Инициативы евразийских государств по обеспечению международной и региональной информационной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. №3. С. 72-83.

⁴² Малинкин В.В., Кошкин А.Р., Федоренко А.М. Указ. соч. С. 61.

ствуется работа над Конвенцией о противодействии информпреступности⁴³ в рамках образованного по инициативе РФ Специального комитета ООН открытого состава, цель которого – ««нулево[й]» проек[т] конвенции, и его обсуждение в трёх чтениях с выходом на представление согласованного проекта конвенции для утверждения Генеральной Ассамблеей ООН в ходе её 78-й сессии в 2024 г.»⁴⁴.

При обсуждении «нулевого» проекта наметились конфликтные линии. Для наглядности представим их в виде таблицы⁴⁵ (см. ниже).

В связи с противодействием сторонников Будапештской конвенции Ж.М. Чекова отмечала: «...государства западного мира упорно пытаются навязать международному сообществу своё видение мироустройства, основанного на праве силы и логике соперничества великих держав. Им выгодно размыть центральную роль ООН в вопросах обеспечения [международной информационной безопасности] за счёт делегирования части полномочий на этом направлении региональным организациям и форумам»⁴⁶, особенно тем, которые они контролируют.

На наш взгляд, приведённый выше пример – это пример статичной аргументации. Её повторение отнюдь не усиливает воздействие. Эффект от такой аргументации крайне мал, поскольку стороны не прислушиваются друг к другу, а совершают заранее известные им ритуальные действия. В конструктивной аргументации необходимо ставить визави в определённые рамки.

Большее воздействие оказало бы повторение о навязывании воли Запада остальным государствам, дополненное альтернативными предложениями, программами и планами, в которых западные инициативы вписывались бы в некую иерархию и ООН находилась бы во главе⁴⁷. Разве принесло бы вред российской

⁴³ Подробнее см.: Букин Д.В. На пути к универсальной конвенции о противодействии информпреступности // Международная жизнь. 2022. №7. С. 20-23.

⁴⁴ Резолюция 75/282 Генеральной Ассамблеи ООН (26 мая 2021 г.). URL: <https://www.un.org/ru/ga/75/docs/75res3.shtml> (дата обращения 11.03.2022); Букин Д.В. Указ. соч. С. 21.

⁴⁵ Составлено по: Букин Д.В. Указ. соч.

⁴⁶ Чекова Ж.М. Указ. соч. С. 60.

⁴⁷ Не нужно, на наш взгляд, опасаться размыть планами суть. В современных условиях придётся (на)учиться управлять множественностью.

Обсуждаемые вопросы	Сторонники Будапештской конвенции 2001 г. ⁴⁸	Россия и её сторонники
«Правоведческая тематика»	Обязательно должна присутствовать в Конвенции ООН.	Вынести «правоведческую тематику» и прописать конкретный результат (к примеру: защита «граждан и бизнес[a] <...> от посягательств киберпреступников на их деньги и имущество») ⁴⁹ . Сместить акцент на «защит[у] национального суверенитета, территориальной целостности и невмешательств[a] во внутренние дела государств»).
Предмет Конвенции	«[Р]аспространение <...> действия <...> на преступления, совершаемые с использованием компьютеров»; одновременно было предложено «вывести из-под действия <...> IT-бизнес – операторов связи и интернет-провайдеров».	«[К]онвенци[я] о противодействии именно ИКТ в преступных целях» ⁵⁰ .
Обязательства ⁵¹	«[А]морфный рамочный документ, который придётся дорабатывать за счёт дополнительных протоколов».	«Сильный документ».

позиции открытое обсуждение и обнародование инициатив в Интернете? Страны Запада оказались бы под давлением⁵².

Очевидно, что США действуют в традиционном для них

⁴⁸ ETS 185 – Convention on Cybercrime, Budapest, 23.XI.2001. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения 15.05.2022). См. также: Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. №1. С. 265-267.

⁴⁹ Ср.: Савенкова Д.Д. Кибербезопасность финансово-кредитных организаций в условиях новых вызовов и угроз в цифровом пространстве // Право и государство: теория и практика. 2018. №4(160). С. 126-131.

⁵⁰ Ср.: Федорович В.Ю. Что такое «киберпреступление»? Вестник Московского университета МВД России. 2020. №3. С. 15-17.

⁵¹ Даты проведения второй сессии: 30 мая – 10 июня 2022 г.; третьей сессии: конец августа – начало сентября 2022 г.

⁵² В этом контексте стоит напомнить о снижающейся стоимости кибервооружений: Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе // Международные процессы. 2019. Т. 17. №3(58). С. 51-65. Сравнительная таблица особенностей конвенциональных и кибервооружений приведена на с. 55 статьи.

духе разделения, так как они «в рамках [альтернативного ООН «Альянса за будущее Интернета»] предлагают членам международного сообщества делать выбор: присоединиться к клубу государств, “разделяющих демократические ценности и стандарты”, либо оказаться пособниками тех стран, которые, по их мнению, используют Интернет в качестве инструмента репрессий, пропаганды и подавления инакомыслящих»⁵³.

Западные государства хотят иметь “свободу рук”, включая право произвольно трактовать и применять “удобные” для них нормы и принципы международного права»⁵⁴, но почему тогда столь мало известно о другом примере малых шагов в направлении управления Интернетом – о формате рабочей группы ООН открытого состава, созданной на основании резолюции №73/27 Генассамблеи ООН⁵⁵.

Данный формат крайне любопытен не только с точки зрения открытости – привлечения представителей гражданского общества, но ещё и потому, что наряду с привычными ценностями активно выдвигаются новые: равенство мира, преодоление «цифрового разрыва»⁵⁶. Под них формируются ориентированные на конкретный результат *ad hoc* альянсы. Открытое и детальное обсуждение проблемы демонстрирует другую сторону правоведческой тематики: *ad hoc* альянсы способны подорвать американское лидерство.

Что касается новых ценностей (равенство мира, преодоление «цифрового разрыва»), то о них почему-то также крайне мало известно, а ведь они – яркое свидетельство архаичности западного ценностного подхода.

Не стоит забывать и о другом аспекте проблемы, на который обратил внимание В.С. Васильев: «В современных услови-

⁵³ Штоль В.В., Мельникова О.А. Роль Интернета в жизни современного общества // Обозреватель – Observer. 2022. №3-4. С. 46. О критике американских экспертов подходов США см.: Себекин С.А. Постоянная вовлечённость в киберпространстве. Новая стратегия США и ее соотношение с концепцией киберсдерживания // Международные процессы. 2020. Т. 18. №3(62). С. 100-106.

⁵⁴ Чекова Ж.М. Указ. соч. С. 60.

⁵⁵ Резолюция №73/27 Генеральной Ассамблеи ООН (5 декабря 2018 г.). URL: <https://www.un.org/ru/ga/73/docs/73res1.shtml> (дата обращения 11.03.2022).

⁵⁶ Шариков П.А. Эволюция американской политики кибербезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №10. С. 51-58.

ях борьба за *экономический суверенитет* (здесь и далее в цитате выделено нами – *А.С.*) напрямую связана с феноменом цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе и экономической, которая объективно *воссоздаёт и систему колониальной зависимости* одной группы стран от других. Эта *система зависимости* получила название “*цифрового колониализма*”, под которым имеется в виду “использование цифровых технологий для политического и социально-экономического доминирования над другими нациями и территориями”⁵⁷.

Тем самым В.С. Васильев предлагает интерпретировать суверенитет как более сложный феномен, чем он априори и является. В этом контексте доступ к новым пространствам (космос и цифровые технологии) превращается в одну из его черт или характеристик.

Выводы к разделу 2.3

1. Основная особенность проблемного комплекса информационной безопасности состоит в том, что, в отличие от космоса, большинство стран могут соревноваться в каких-то его сегментах, но имеют мало шансов на всестороннюю конкурентоспособность. Это порождает иллюзорные попытки договориться с технологическими лидерами путём взаимовыгодного обмена.

2. С учётом этого необходимо отказаться от подразделения стран на суверенные и несуверенные. Целесообразнее, с нашей точки зрения, говорить о суверенитете как о сложном феномене и системно развивать линию недопущения «цифрового колониализма»⁵⁸.

⁵⁷ Васильев В.С. Указ соч. URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300020998-7-1/> (дата обращения 11.06.2022).

⁵⁸ Ср.: «Запад готов переступить через всё для сохранения той неокOLONиальной системы, которая позволяет ему паразитировать <...> западные элиты какими были, такими и остались – колонизаторскими. Они дискриминируют, разделяют народы на первый и иной сорта <...>. Свои неокOLONиальные планы западные элиты преподносят так же лицемерно, даже с претензией на миролюбие, говорят о некоем сдерживании, и подобное лукавое слово кочует из одной стратегии в другую, а, по сути, означает только одно: подрыв любых суверенных центров развития <...>. нынешняя неокOLONиальная модель в конечном счете обречена» (Речь президента РФ В.В. Путина на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России 30 сентября 2022 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения 04.10.2022).

3. Важно также сформулировать общие и частные проблемы и разделить их по критерию «приоритетности». Комплексная объективность проблем лучше всего обоснует объективность сотрудничества⁵⁹.

4. Принципиально детальное включение проблемного комплекса в общую проблематику региональной, межрегиональной и международной политики безопасности, выдвижение требования уточнить на основании уже имеющихся договорных обязательств роль и ответственность различных государств.

5. В настоящее время это позволит (и не только через информационную безопасность) ещё масштабнее задействовать для комплексного рассмотрения проблем общеевропейской безопасности площадки ООН, которые трудно санкционировать.

6. Благодаря этому можно будет говорить об общеевропейской безопасности как о производной безопасности, для формирования доверия в которой прежде всего нужно решить более существенные задачи и проблемы.

7. Аргументированное расширение общеевропейской проблематики в сфере безопасности создаст, вне зависимости от текущих сложностей и кризисов, благоприятную возможность для последующего взаимодействия, сотрудничества и партнёрства.

2.4. Арктика

Представим квинтэссенцию доминирующих позиций политологов по арктическому направлению⁶⁰.

Во-первых, считается, что данное направление институцио-

⁵⁹ Весь комплекс проблем см.: Международная информационная безопасность: Теория и практика. Учебник в 3-х т. / под ред. А.В.Крутских. Т. 1. М.: Аспект-Пресс, 2019.

⁶⁰ Дополнительно см. также: Гумелёв В.Ю., Елистратов В.В., Рагозин А.Н. Арктика как объект геополитики // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2018. №11. С. 1-18. URL: <http://e-koncept.ru/2018/183074.htm> (дата обращения 03.07.2022); Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 96-101; Загорский А.В. Безопасность в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 53-112; Володин Д.А. Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950–1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 114-126; Колодезникова М.В. Проблемы Арктики: что ждет Арктику // Международный научный журнал «Вестник науки». 2020. №6 (27). Т. 4. С. 63-65.

нально освоено. Арктический совет⁶¹ интерпретируется в качестве перспективной площадки, которая «должна была способствовать преодолению возникших в годы холодной войны разделительных линий <...>, укреплению взаимного доверия и отработке навыков совместного реагирования на невоенные вызовы для безопасности в Арктике (обеспечение безопасности судоходства, авиационного и морского поиска и спасания, ликвидация последствий разливов нефти и др.)»⁶².

Во-вторых, ещё до 2014 г. были разработаны основные национальные арктические стратегии или, как в случае с США, доработаны стратегии национальной безопасности. В американской «Стратегии национальной безопасности» 2010 г., к примеру, заявлено, что «США являются арктическим государством с широким спектром региональных интересов, включая и укрепление обороноспособности»⁶³. В центр документа 2010 г. было поставлено провоцирующее конкуренцию «экономическое проникновение».

В-третьих, признаётся, что с 2014 г. в арктической политике произошли изменения. И хотя «[о]бстановка <...> оста[валась] стабильной, а повестка дня – конструктивной», А.В. Загорский в 2018 г. предупреждал: «не следует полагаться на то, что регион можно бесконечно долго изолировать от проблем большой политики <...> пространство сотрудничества в Арктике будет не расширяться, а сужаться»⁶⁴.

⁶¹ О председательстве России см.: Журавель В.П. О председательстве России в Арктическом совете: программа и первые итоги // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 233. №1. С. 147-167.

⁶² Загорский А.В. Хрупкое спокойствие Арктики... С. 99-100. Обсуждение политологами ситуации в 2019 г. см.: Журавель В.П. Арктический совет: в ожидании председательства России // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1. С. 115-118.

⁶³ Зберя В.А. Некоторые аспекты оборонной политики Канады и США в Арктике (2000–2020 гг.) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №4. С. 18-33. DOI: 10.31857/S268667300014336-9

⁶⁴ Загорский А.В. Хрупкое спокойствие Арктики... С. 97. В 2012 г. В.А. Дмитриев и О.Н. Тынянова отнесли к угрозам безопасности в Арктике «угрозу территориальной целостности России», «угрозы в экономической сфере», «угрозы в области военной безопасности» и «угрозы криминальной сферы» (Дмитриев В.А., Тынянова О.Н. Безопасность Арктики // Труды Института государства и права РАН. 2012. №1. С. 195). Ср.: Журавель В.П. Вызовы и угрозы военной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник

В-четвёртых, известны потенциальные конфликты. Предсказуемо конфликтными являются «установлени[е] внешних границ континентального шельфа в СЛО»; «дефицит сотрудничества в области безопасности»⁶⁵; гонка вооружений и рост нестабильности в Арктике⁶⁶; не устраивающее Запад регулирование РФ «проход[а] иностранных судов по Северному морскому пути»⁶⁷; общее углубление «разделительных линий».

В-пятых, указывается на опасность непреднамеренной эскалации, к примеру, между Россией и Норвегией, «если норвежские системы раннего предупреждения зафиксируют и неверно интерпретируют перемещение российских арктических сил <...> в случае объявления внезапной проверки боевой готовности или необходимости реагирования на природную или техногенную катастрофу». В свою очередь, «неплановая переброска в Норвегию сил НАТО» может вызвать соответствующую реакцию Москвы⁶⁸.

Официально в 2020 г. прошли «20 учений и операций в Арктике». Американцы и норвежцы восстанавливают «военно-морскую базу в Олавсверне», где «намечено разместить атомные подводные лодки ВМС США “Сивулф”»⁶⁹. Дополнительно к этому «на аэродро[м] Орланд <...> придут 200 американских военнослужащих» и «[н]а северных рубежах России [с]формируется воздушная ударная группировка с 96 высокоточными

ИЕ РАН. 2018. №2. С. 217.

⁶⁵ Там же. Ср. у А.В. Загорского: «На фоне украинского кризиса российская политика воспринимается на Западе как труднопредсказуемая. Констатируется готовность Москвы ради достижения стратегических целей принимать односторонние меры, включая военные, не считаясь с политическими и экономическими издержками» (Там же. С. 98).

⁶⁶ Ср. у А.В. Загорского: «В настоящее время западные государства проявляют военную сдержанность, и военно-политическая обстановка в Арктике выгодно отличается от той, которая складывается в районах Балтийского и Чёрного морей. Но чем дольше затягивается современный кризис, тем больше вероятность того, что эта спокойная обстановка может измениться, в том числе в силу развития событий в соседних регионах» (Там же. С. 99).

⁶⁷ Райков Ю.А. Россия и США в Арктике: от конкуренции к противостоянию // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №1. С. 39-52. URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300018418-9-1/> (дата обращения 10.02.2022).

⁶⁸ Загорский А.В. Хрупкое спокойствие Арктики... С. 99.

⁶⁹ Райков Ю.А. Указ. соч.

крылатыми ракетами»⁷⁰.

28 августа 2022 г. генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в интервью *Welt am Sonntag* анонсировал новый этап усиления альянса в Арктике⁷¹.

Вступление в НАТО подвигнутых к этому шагу Швеции и Финляндии изменит баланс ещё больше⁷². НАТО, по мнению Д.А. Данилова, заинтересована в усилении северного фланга, который «имеет особое значение <...> с точки зрения формирования системного сдерживания России и планирования операций по смыслу ст. 5, в том числе и с точки зрения задач по укреплению потенциала сдерживания НАТО в Северном и Балтийском регионах»⁷³.

Финляндия и Швеция предоставят НАТО возможность для подобного укрепления. Д.А. Данилов допускает, что «встанет вопрос и о создании на этой территории новых элементов ПРО, включая ракетные системы, способные нести ядерные боезаряды»⁷⁴.

В-шестых, подчёркивается, что целью США и их западных

⁷⁰ Там же. Дополнительно об угрозах для России см.: Журавель В.П. Новые угрозы национальной безопасности России в Арктике: проблемы противодействия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 226. №6. С. 87-93. В.П. Журавель, как и А.В. Загорский, полагает, что «при всей напряжённости в регионе, уровень милитаризации Арктики не выходит за пределы разумной достаточности» (Там же. С. 95). Он предлагает «своевременно принимать меры по укреплению обороноспособности на арктическом направлении» (Там же. С. 96).

⁷¹ Одно из направлений усиления – это гибридные войны. В 2018 г. А.А. Бартош констатировал: «в Арктике против России ведётся гибридная война» (Бартош А.А. Гибридная война в Арктике // Мировая политика. 2018. №3. С. 64). Одна из её целей – «подрыв экономического потенциала государства» (Там же. С. 68).

⁷² Об аргументации альянса см. у Д.А. Данилова: «Главный стратегический аргумент НАТО состоит в том, что в условиях нарастающего конфликта и напряжённости повышаются риски для Финляндии и Швеции. Оставаясь вне НАТО, они стали бы серой зоной в ситуации как дестабилизации в Северобалтийском регионе, так и при сценарии конфликта Россия – НАТО» (Данилов Д.А. Финляндия и Швеция на пути в НАТО // Обозреватель – Observer. 2022. №5-6. С. 36). См. также: Громыко Ал.А., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. №2. С. 13-16.

⁷³ Данилов Д.А. Финляндия и Швеция на пути в НАТО... С. 36.

⁷⁴ Там же. С. 37.

союзников, нагнетающих политику «сдерживания и противостояния», является «вытесн[ение] Росси[и] из Арктики [и перекрытие] Китаю <...> доступ[а] в высокие широты»⁷⁵. Аргумент, обосновывающий эту политическую линию, традиционен: Россия «подрывает общую цель мирного и устойчивого будущего для Арктики»⁷⁶.

В-седьмых, исследовательские оценки перспектив разнятся. Пример сдержанно-оптимистической оценки можно встретить у Ю.А. Райкова: «Выступающие с позиций стратегического реализма политические деятели и военные <...> будут, – считает он, – постепенно усиливать сопротивление курсу на опасное балансирование на грани ядерной войны и, возможно, приведут к корректировке агрессивной внешней политики США». Благодаря этому «появляется широкое поле деятельности для многосторонней дипломатии»⁷⁷.

В-восьмых, акцентируется внимание на важность Арктики для России. В.П. Фёдоров заметил в 2018 г.: «Арктика представляет собой жизненный ресурс для России на долгие времена. Она служит гарантией того, что при всех неблагоприятных международных событиях и возможных ошибках во внутренней экономической политике у нашей страны есть собственная надёжная опора для самосохранения, развития и обороноспособности»⁷⁸. Повышение конкурентоспособности России в Арктике В.П. Фёдоров предложил осуществлять на основе «собственно[го] мегапроект[а]» с условным названием «Освоение Арктики (в просторечии – “Даёшь Арктику!”)»⁷⁹.

Выводы к разделу 2.4

1. Особенность арктической проблематики состоит в том, что преимущественные юридические права на её согласование имеют арктические страны. Остальные игроки (даже такие

⁷⁵ Райков Ю.А. Указ. соч.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Фёдоров В.П. Арктические преобразования // Современная Европа. 2018. №1. С. 5.

⁷⁹ Там же. С. 13. См. также у В.А. Дмитриева и О.Н. Тыняновой: «в основе каждого арктического проекта должна лежать мысль о безопасности России» (Дмитриев В.А, Тынянова О.Н. Указ. соч. С. 205).

крупные, как Китай) будут вынуждены – пусть и с неохотой – принимать согласованное или искать иные способы и средства воздействия⁸⁰.

2. Если арктические страны не захотят пойти на сотрудничество и согласование перспективы, то конфликтный потенциал в Арктике заметно возрастёт, а возможности малых и средних арктических стран заметно уменьшатся. Последствием отказа от сотрудничества станет угроза вмешательства стран, напрямую не имеющих юридических прав в арктическом регионе⁸¹.

3. Осознание данного обстоятельства способно приостановить⁸² использование тактики изоляции и истощения конкурентов и позволит целенаправленнее приняться за работу над реализацией новых и старых инициатив, если они будут внесены или уточнены⁸³.

4. Не исключено, что длительное применение тактики изоляции и истощения в Арктике вызовет обратный эффект: оно может, в силу объективных причин и угроз, послужить стимулом «принуждения» к действию и сотрудничеству. Это делает излишней детализацию в данной работе предложений, за которые можно было бы приняться на пути выхода из режима самоограничения.

⁸⁰ О роли России см.: Журавель В.П. Арктический вектор стран Большой Евразии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №6. С. 101-102.

⁸¹ Ср.: «Нынешняя “секторальная” система раздела Северного Ледовитого океана, основа которой была заложена Парижским договором 1920 г. <...> возникла как часть “Версальской системы мира”, существовавшей между двумя мировыми войнами. Однако ни одно арктическое государство не заинтересовано в изменении этой системы и передаче касающихся Арктики вопросов на международный уровень <...>. На акватории и континентальный шельф действия национальных законодательных актов о границах “арктических секторов” не распространяется <...> Единые границы Арктики, пригодные для всех целей, – политических, экономических, природных и других, – определить невозможно» (Мартынов В.Л., Кузин В.Ю. Границы Арктики и границы в Арктике // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2018. №2(16). С. 8, 12).

⁸² Или заставит задуматься над тем, чтобы приостановить.

⁸³ В этом контексте см. мысль А.А. Бартоша: «При совпадении интересов группы участников может стать целесообразным создание их ситуативной коалиции для “продавливания нужного решения» (Бартош А.А. Указ соч. С. 66). «В гибридной войне, построенной на нелинейной стратегии, малые воздействия могут обеспечить получение значительных результатов» (Там же. С. 68).

5. Открытым остаётся вопрос пределов соперничества, поскольку большие территории предполагают существенную мобилизацию и без того ограниченных в настоящее время национальных ресурсов стран арктического региона.

6. Последствия сублимации конфликтного потенциала имеют для государств арктического региона большее значение, чем любые региональные конфликты в Европе.

2.5. О сути дифференцированной максимизации

Новые пространства включились в геополитическую борьбу. Если втягивание будет продолжено, то будут возрастать конфликтный потенциал и связанные с ним опасности масштабного конфликта.

Наряду с попытками добиться международно-правового регулирования было бы, на наш взгляд, правильным задуматься над альтернативными возможностями, к примеру, над созданием межгосударственных общественных и частных фондов развития Интернета, космоса и Арктики.

В данном подходе поддерживалась бы дифференцированная альтернативная максимизация с элементами публичной дипломатии, поскольку:

- появилась бы обширная программная линейка проектов с разным составом участников;
- были бы выстроены сети с разными интересами и зависимостями;
- разрабатывались бы новые маршруты, институты и группы лоббирования;
- была бы апробирована институциональная кризисоустойчивость;
- традиционная дипломатия получила бы поддержку межгосударственно-общественной фондовой дипломатии и смогла бы опереться на достигнутые ею результаты;
- не потребовалось бы одобрения заблокированных институтов;
- не нужно было бы опасаться доминирования какой-либо державы;
- можно было бы использовать разные принципы и содержание;

– продвижение проходило бы не только с помощью минимально возможного в правовом межгосударственном регулировании, но и максимально достигнутого на практике;

– имела бы место конкуренция подходов;

– активнее эволюционировал бы феномен партнёрства.

Таким образом, суть дифференцированной альтернативной максимизации состоит в выдвигании и реализации серии новых, не подлежащих санкционированию инициатив, отличающихся от прежних содержанием и принципами, но объединённых важностью и перспективами взаимодействия в определённом пространстве.

Успехи этого подхода помогли бы ускорить правовое межгосударственное регулирование новых пространств. Последние нужно рассматривать как проблемный комплекс не только международной, но и региональной безопасности. В некоторых аспектах значение новых пространств для региональной безопасности не уступает их значению в процессах поддержания и развития международной безопасности.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМНЫЙ КОМПЛЕКС РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Вводные размышления.

В мире начался новый этап соревнования крупных держав⁸⁴. Начало всегда порождает иллюзии, подпитывает надежды и вызывает разного рода системные конкуренции.

Хотя ограниченность собственных ресурсов и возможнос-

⁸⁴ Директор Института современной истории Мюнхен/Берлин профессор А. Виршинг выдвинул концепцию, согласно которой последний этап глобализации, завершённый примерно в 2019–2022 гг., был запущен странами Запада в 1970-е гг. «Тогдашняя политика глобализации обуславливалась “национальным интересом промышленных стран Запада”, стремлением преодолеть кризисы, обеспечить инструментарий роста. При этом “[р]ечь шла <...> о колоссальном качественном повышении эффективности уже известных в принципе феноменов”, в результате чего появился более либеральный подход к международной торговле и финансам, была активизирована ГАТТ, произошёл переход к ВТО» (Цит. по: Синдеев А.А. Как изучать глобализацию (О дискуссии, начатой «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte») // Новая и новейшая история. 2022. №1. С. 24).

тей ещё не до конца осознаётся⁸⁵, недоверие и нежелание идти на компромиссы, как и (временное) разделение мира, сопровождаемое усиленной работой над национальными планами, программами и моделями, становятся неизбежными.

В этих условиях малые и средние страны вынуждены маневрировать и выбирать⁸⁶. Конечным результатом выбора, по всей видимости, будет т.н. сетевой суверенитет⁸⁷. Однако пока все опции кажутся политическим элитам затронутых выбором стран открытыми.

Единая согласованная цель крупных государств или совместный глобализационный проект будущего также не сформулированы, что, в контексте разрушения старых и конструирования новых идей, способствует критике привычных институтов. В этой связи постоянно слышны предостережения касательно анархичности системы международных отношений.

Получается, что ничего значимого во взаимодействии крупных держав добиться нельзя, поскольку их отношения зашли в тупик. Впрочем, тупиковость имеет по крайней мере одну позитивную черту. Благодаря ей возникают альтернативы. Чем выше опасность – тем больше потребность преодолеть её и представить пути выхода. Хочется надеется, что выход будет предполагаться не только в (само)изоляционистских форматах.

Автор предлагает не ожидать дальнейшего роста напряжённости. Его тезис состоит в том, что можно (воз)действовать и с помощью разъяснения последствий отказа от взаимодействия.

⁸⁵ Подробнее развитие тезиса см.: Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №3. С. 41-60; Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США // США & Канада: экономика – политика – культура. 2021. №10. С. 63-77; Козлов В.О., Баяк А. Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №3. С. 112-126; Рогов С.М. Американо-китайское противоборство и Россия // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №8. С. 69-74; Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США – КНР // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 89-105.

⁸⁶ Наиболее показательным примером последнего времени стало маневрирование Сербии между Россией и ЕС («сербские мучения»).

⁸⁷ Синдеев А.А. Дифференцированное сотрудничество: современные американо-швейцарские отношения // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. №3. С. 62.

Роль политологов в таком разъяснении не требует пояснений.

В современной позиционной борьбе отношения России и США дошли до опасной черты. Очевидно, что возврата к прошлому не будет. Рано или поздно придёт и осознание того, что мировые проблемы нужно решать только совместно. «Кипение» мира будет способствовать совместным действиям России и США. Поэтому уже сегодня на экспертном уровне нужно подготавливать сценарии совместных действий в посткризисный период.

3.2. Противоречия американского доминирования

Соединённые Штаты переживают очередной период трансформации, на котором они, используя собственную экономическую мощь и преимущества доллара, хотят заставить остальной мир участвовать в сохранении их статуса и в (со)финансировании решения их проблем⁸⁸.

Американские политические элиты пока явно не готовы выработать согласованную программу трансформации⁸⁹. Внутриполитически это затягивает общественный раскол и ужесточает межпартийную борьбу; внешнеполитически – усиливает турбулентность.

Теперешний вариант раскола поддерживает традиционную партийно-политическую систему⁹⁰. Появление какой-либо со-

⁸⁸ О кризисном модусе см.: Печатнов В.О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №10. С. 5-16.

⁸⁹ О «проекте Байдена» см.: Меньшикова А.М. Особенности внешнеторговой политики демократической администрации Дж. Байдена // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №11. С. 80-92. DOI: 10.31857/S268667300017222-4-1. На наш взгляд, А.М. Меньшикова рассматривает политику Дж. Байдена в контексте частичной преемственности (эволюции) основных проблемных комплексов предыдущих администраций: «В отличие от Б. Обамы, он хочет лучше представлять интересы наёмных работников и, в отличие от Д. Трампа, привлечь традиционных союзников к активным действиям по стратегическому сдерживанию Китая, что связано с весьма высокими издержками для Европы – как экономическими, так и политическими» (Там же).

⁹⁰ И всё же имеет смысл настраиваться на подготовку со временем общего межпартийного варианта (консенсуса) и фиксировать континуитет в текущих планах и программах (см. также сн. 89). См. у В.Б. Супяна о планах действующего американского президента: «В отличие от Трампа Байден в инфраструктурных проектах (более 1,3 трлн долл.) делает упор на расходы на научные исследования и инновации (400 млрд), модернизацию школ (100 млрд), ремонт дорог и мостов (50 млрд) и развитие сельских районов. В планах прези-

гласованной программы не соответствует интересам индивидуальных политических карьер, а значит – раскол продолжит некоторое время сохраняться.

Внешнеполитическая сторона раскола – это сознательное нагнетание противоречий в остальном мире не только по причине понятного разделения на «свой-чужой»⁹¹, но и из-за желания иметь свободу для манёвра и приостанавливать эволюционный рост альтернативных центров силы.

Вспомним в этой связи слова заместителя министра иностранных дел РФ С.А. Рябкова о том, что США не признают «реальную систему координат», «оторваны от происходящего и игнорируют и реальность “на земле”»⁹². С данным выводом можно поспорить, поскольку американцы очень хорошо осознают, что только в условиях провокаций и конфликтов в мире они могут позволить себе трансформацию в избранном затяжном варианте.

Системность или системная комплексность с многосторонностью им не нужны. Они сделают наглядными недостатки и ограниченность реализуемой модели развития, заставят недовольных пойти на компромисс и расширят самостоятельность союзников и партнёров.

Раскол, конфликты и проблемы, подкреплённые аргументами борьбы за истинные ценности, наоборот, помогают мобили-

дента Дж. Байдена создать 5 млн новых рабочих мест в рамках реализации программы “Покупай американское”. По этому плану государство израсходует 400 млрд долл. на закупку американских товаров и услуг <...> предусмотрено объявить борьбу с изменением климата национальным приоритетом, ассигновать 400 млрд долл. На исследования в области чистой энергетики, удвоить производство ветряной энергии к 2030 г., запретить добычу углеводородов в арктической зоне, ликвидировать углеродное загрязнение к 2035 г., построить 500 тыс. новых общественных электрозаправочных станций к 2030 г.» (Супян В.Б. Экономика США после кризиса 2020 г.: перспективы восстановления // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №4. С. 5-17. DOI: 10.31857/S268667300014335-8-1. См. также: Супян В.Б. Экономика Байдена: итоги первого года // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №5. С. 5-19.

⁹¹ Яркие примеры – выход из «иранской сделки», санкционная политика.

⁹² Рябков С.А. Само наше существование становится в их восприятии источником тревоги по поводу безусловного характера американского доминирования в мире // Международная жизнь. 2021. №8. С. 6.

зовывать союзников и партнёров в мягком (байденовском) или в жёстком (трамповском) вариантах.

Сегодняшний «американский мир» априори не должен быть спокойным и предсказуемым. Ему необходимы новые «оси зла», враги и противники. О.П. Иванов справедливо полагает, что «[д]альнейшую эволюцию и модернизацию НАТО необходимо рассматривать главным образом в свете кризиса отношений с Россией»⁹³.

Договорённости в «американском мире» могут быть только на американских условиях и правилах⁹⁴. С учётом этого европейские союзники будут вынуждены либо растерять остатки самостоятельности и принимать активное участие в обострении, либо попытаться по каким-то трекам показать «стратегическую автономию».

Американское доминирование не предполагает сильной России. С ней готовы работать исключительно в логике постепенного ослабления и вытеснения даже из разряда «региональной державы»⁹⁵.

Цель американского доминирования в Европе заключена в стимулировании искусственного раскола континента, в максимально ускоренном реформатировании в натоцентричном направлении «архитектуры безопасности», в создании фактов «новой реальности» и в вытеснении и изоляции России, для кото-

⁹³ Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №3. С. 120.

⁹⁴ См. у А.И. Подберезкина о единственно возможной политике США в отношении России: «политика Запада в отношении России может быть только силовой, военно-силовой и просто военной, но никак не партнёрской, а тем более дружественной» (Подберезкин А.И. Мир или война? Ни мир и ни война? // Обозреватель – Observer. 2022. №1. С. 13). По мнению А.В. Фролова, после ухода из Афганистана США переориентировались на Европу, провоцируют Москву и решают собственные задачи, конструируя вызовы: «Военная активность должна быть высокой, а для её обоснования необходимы зримые вызовы и военные угрозы <...> самая реальная угроза может, естественно, происходить от России, так привычнее» (Фролов А.В. Размышления о «красных линиях» и госинтересах // Обозреватель – Observer. 2022. №2. С. 9).

⁹⁵ В.В. Штоль и А.Г. Задохин о неудовлетворённости западных элит: «они неудовлетворены тем, что, “встав с колен”, Россия не приняла их “правила игры” и отвергла навязываемые ей “ценности”» (Штоль В.В., Задохин А.Г. Информационно-коммуникационные технологии... С. 72).

рой, по всей видимости, пока предусмотрена только роль «из-
ходя».

Складывается впечатление, что в задумках западных стратегов России предстоит покаяться, признать собственные «ошибки» и смириться с изменившейся реальностью и правилами.

А.Н. Богданов отмечает, что сопровождающее подобное развитие «распространени[е] неолиберальных ценностей, а также усилен[е] влияния глобальных и региональных институтов <...> соответствовал[о] логике эволюции гегемонистских систем»⁹⁶.

Новый мировой порядок создавал «факторы стабильности», одним из которых тот же А.Н. Богданов считал «[в]овлечение стран бывшего социалистического лагеря в расширяющееся демократическое, рыночно-либеральное пространство»⁹⁷.

За следование курсу США западные союзники надеются получить гарантии защиты от «российской угрозы», хотя в реальности они будут вынуждены защищать себя самостоятельно на всех европейских натовских флангах, поскольку у американцев есть иные цели и задачи по расколу и конфликтам в мире.

В.И. Батюк считает, что «официальный Вашингтон не исключает возможности широкомасштабного военного конфликта с Россией в Европе»⁹⁸.

Противоречие конфликтного доминирования не требует специального объяснения. В Европе оно прежде всего затрагивает интересы Франции и ФРГ, у которых как у ведущих государств континента всё ещё остаётся выбор между длительной, изматывающей и уничтожающей их потенциал и влияние искусственной конфликтностью и архитектурой безопасности хо-

⁹⁶ Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. №3(38). С. 16.

⁹⁷ Там же. О «делегитимации гегемонистского лидерства» и подразделения государств на две группы ревизионистов см. С. 17. Россию вместе с Китаем и Индией А.Н. Богданов отнёс к «ограниченным» ревизионистам, поскольку они «не стремятся к разрушению существующей мирополитической конструкции, но желают добиться признания своих прав и повысить свой престиж в рамках международной системы» (Там же. С. 17).

⁹⁸ Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. №3. С. 212 (о нагнетании напряжения см.: 215).

тя бы с минимальным участием России⁹⁹.

Не стоит забывать, что в условиях глобальности конфликты в Европе стимулируют конфликты в других частях мира¹⁰⁰. Не ясно, насколько у НАТО и ЕС получится с ними успешно справиться, поскольку результат внутренней трансформации в США остаётся неизвестным.

Важно понять и другое: сознательное сокращение собственных национальных опций не будет способствовать решению ни национальных, ни региональных, ни международных задач в сфере безопасности.

Выводы к разделу 3.2

1. Сохранение претензии США на доминирование в мире – непреложная часть реальности любой архитектуры безопасности. В краткосрочной перспективе она, как и все свойственные ей противоречия, не исчезнет.

2. Наметившийся раскол в Европе будет усиленно углубляться Соединёнными Штатами. Элиты США едва ли согласятся использовать национальный потенциал, вкладывать собственные материальные и финансовые ресурсы во имя идеи справедливого мироустройства и общеевропейской архитектуры безопасности, подвергая себя риску столкнуться с непониманием и открытым протестом электората, поскольку в любой стране – и Соединённые Штаты не являются исключением – помимо «позитивного оформления глобализации» всегда есть задачи, решение которых составляет актуальную повестку дня¹⁰¹.

3. Ответом на политику раскола и претензию на доминирование должны стать не только критика США, но и альтернатив-

⁹⁹ США и ЕС экономически «привязаны» друг к другу: «Объём торговли между США и Евросоюзом достиг <...> 616 млрд. долларов в 2019 году. <...> в 2017 году 65,1% всех накопленных прямых американских зарубежных инвестиций приходилось на Западную Европу; <...> на долю ЕС приходится до половины всех прямых иностранных инвестиций в США» (Батюк В.И. «Стратегический треугольник» и Европа // Международная жизнь. 2021. №7. С. 37).

¹⁰⁰ Ср. у А.Н. Богданова: «всякое стремление восстановить баланс сил в современном мире неизбежно будет обретать характер структурного вызова <...>. Демонтаж современной системы возможен только в том случае, если перераспределение глобальной материальной мощи будет сопровождаться делегитимацией гегемона» (Богданов А.Н. Указ. соч. С. 18-19).

¹⁰¹ Развитие этих идей см.: Синдеев А.А. Дифференцированное сотрудничество... С. 51-55.

ная позитивная картина мира и регионов (в нашем случае – европейского региона), позитивная политика безопасности, в которой осуществилась бы конвергенция целей, идей и принципов.

4. Претензия США на доминирование позволяет перенести проблемы формирования общеевропейской архитектуры безопасности в контекст формирования других региональных архитектур безопасности, что даёт неплохие шансы на аспектное подключение к обсуждениям новых игроков.

3.3. Хронология российско-американских отношений

Автор не претендует на полное освещение двусторонних российско-американских отношений¹⁰². Его задача – выявить основные тенденции в работах отечественных политологов, поскольку представление об эволюции двусторонних (российско-американских, в широком контексте – российско-западных) отношений в нашей политологии в целом сложилось.

«Общим знаменателем» является позиция, согласно которой с 1991 по 2013 г. Запад и США как лидер западного мира пытались «построить однополярный мир с участием России (1991–2013 гг.)», а в 2014 г. началась «переориентация <...> в сторону налаживания работы трёхполюсной системы принятия решений – США, Великобритания, Франция (западный центр), Россия (европейско-азиатский) и Китай (восточный)»¹⁰³. Данная «переориентация» проходила под эгидой ООН.

Что касается первого этапа, то «[к] моменту прихода В.В. Путина элементов “негатива” и “позитива” в отношениях России с Западом было поровну»¹⁰⁴. Это сохраняло возможность альтернативных вариантов развития: весы могли «качнуться к сближению или охлаждению»¹⁰⁵.

Стороны проявили заинтересованность к диалогу: президент В.В. Путин и президент Дж. Буш-мл. встречались на разных

¹⁰² Исторический контекст отношений между Россией и Западом см.: Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя; Институт диаспоры и интеграции, 2019.

¹⁰³ Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Новые поколения внешнеполитических доктрин России // Международная жизнь. 2022. №6. С. 15.

¹⁰⁴ Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. №2. С. 19.

¹⁰⁵ Там же.

площадках 24 раза, президент Д.А. Медведев и президент Б. Обама – 12 раз. РФ и США сотрудничали в борьбе с терроризмом¹⁰⁶. Успехом стало «Соглашение о транзите вооружения, военной техники, военного имущества и персонала через территорию РФ (в связи с нахождением Вооружённых сил США в Афганистане и предполагаемым их выводом)».

Были созданы многочисленные структуры: Российско-американский совет делового сотрудничества, Американо-российский деловой совет, Российско-американский энергетический диалог. Работали 25 «российско-американски[х] президентски[х] комисси[й] в различных областях сотрудничества»¹⁰⁷. Существовала комиссия «Россия – США: взгляд в будущее», возглавляемая Е.М. Примаковым и Г. Киссинджером. Успешными были иранская ядерная сделка и СНВ-3.

При этом США не собирались изменять собственные фундаментальные подходы, «стремились сохранять <...> максимальную свободу действий и не проявляли склонности прислушиваться к мнению Москвы», иначе – придерживались политики унилатерализма¹⁰⁸ и сдерживания.

Яркими примерами односторонних действий США были попытки разделить мир (вспомним знаменитую «ось зла»), иракская военная кампания, содействие цветным революциям в Северной Африке и на Ближнем Востоке, «проведение крупномасштабных учений НАТО вблизи российских границ, выход США из основных договоров с Россией по стратегической безопас-

¹⁰⁶ «Кульминацией сближения стало вступление России в антитеррористическую коалицию и участие Президента Путина в сессии Совета НАТО в Риме, на которой было принято решение о создании Совета сотрудничества Россия – НАТО («совет двадцати»). Целью нового органа была названа отработка процедур совместного принятия консенсусных решений – серьёзная заявка на перемещение отношений России и Североатлантического союза на более высокий уровень с перспективой, правда неопределённой, будущей возможной работы России в качестве полноправного члена НАТО» (Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России... С. 20).

¹⁰⁷ Савойский А.Г. Взлёт и падение российско-американских отношений: обзор событий последних десятилетий до Женева // Международная жизнь. 2021. №6. С. 15.

¹⁰⁸ Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России... С. 20.

ности»¹⁰⁹.

Американцы не различали политические сигналы из Москвы или не считали их для себя интересными. К таким сигналам сто́ит отнести смену руководства МИД РФ с И.С. Иванова на С.В. Лаврова, «снижавш[его] славу твёрдого переговорщика в диалоге с Западом»¹¹⁰.

А.С. Давыдов конкретизировал причины расстройки двусторонних отношений следующим образом: «Главной причиной ухудшения российско-американских отношений, – полагает он, – стали не столько события на Украине или так называемая “аннексия Крыма Россией”, сколько то, что на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменяя у власти друг друга, проглядели реальный “закат” однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершённым, сбросили Россию со счетов как “глобального игрока”»¹¹¹.

Американский унилатерализм укреплял политику взаимного сдерживания. После вступления России в ВТО был принят «Акт Магницкого» и последовал российский ответ на него в виде «закона Димы Яковлева». Попытки вмешаться в российскую политическую систему заставили принять закон об иностранных агентах. Желание США увеличить поставки американских углеводородов в Европу привело к борьбе за «Северный поток – 2».

По мнению А.В. Фролова, «с 2010 г. отношения между странами стали портиться в связи с тем, что Россия отклонила американское предложение принимать участие в их антикитайской стратегии. В ответ Вашингтон приложил максимум усилий, чтобы совершить на Украине переворот 2014 г.»¹¹².

¹⁰⁹ Савойский А.Г. Указ. соч. С. 18.

¹¹⁰ Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России... С. 20. См. также: Синдеев А.А. Формирование принципов и подходов внешней политики Российской Федерации: С.В. Лавров на посту постоянного представителя в Совете Безопасности ООН (2000–2004 гг.) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. №4. С. 31–42. DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.004

¹¹¹ Давыдов А.С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №8. С. 81–91. DOI: 10.31857/S268667300016029-1-1.

¹¹² Фролов А.В. Указ. соч. С. 7.

С приходом Б. Обамы, полагают А.Д. Богатуров, О.В. Лебедева и А.К. Бобров, Россия перешла на «доктрину необязательности»¹¹³, подразумевающую «возможност[ь] достигать своих целей в мировой политике совместно с Западом, но при отсутствии такой возможности – самостоятельно»¹¹⁴. В США, с точки зрения Т.А. Шаклеиной и В.В. Шаклеина, «[с]имволом либеральной политики в 2009–2016 гг. стали отношения с Россией, переведённые администрацией Обамы в формат “новой холодной войны”»¹¹⁵.

На втором этапе украинский кризис 2014 г. («госпереворот <...> и последовавшие за ним трагические события на юго-востоке Украины»¹¹⁶), роль в них Америки, «решение об экстренной депортации 35 российских дипломатов <...>, а также о закрытии российских дипмиссий на Восточном побережье США (Сан-Франциско, Сизтл) и объектов торговых представительств в Вашингтоне и Нью-Йорке»¹¹⁷, длительное расследование «российского вмешательства в американские выборы» окончательно подорвали обоюдное доверие.

Позитивные импульсы Хельсинского саммита президентов В.В. Путина и Д. Трампа были быстро уничтожены после его завершения. В условиях отсутствия доверия Д. Трамп захотел быстрых односторонних результатов. Заместитель министра иностранных дел РФ С.А. Рябков заметил позднее о тогдашней ситуации: «При Администрации Д. Трампа временами за позитивной риторикой не было ничего, кроме попыток, что называется, “отжать” по максимуму <...> наше неприятие этой линии было совершенно очевидным, и отношения не улучшились,

¹¹³ У авторов она носит название «платформа» с «иде[ей] о необязательности».

¹¹⁴ Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Новые поколения внешнеполитических доктрин России... С. 11. См. также у В.И. Батюка о промежуточном результате со ссылкой на В.Ю. Суркова и окончание «эпического путешествия России на Запад, прекращение многократных и бесплодных попыток стать частью западной цивилизации, породниться с “хорошей семьёй” европейских народов» (Батюк В.И. «Стратегический треугольник» и Европа... С. 31).

¹¹⁵ Шаклеина Т.А., Шаклеин В.В. Стратегия США после Обамы. Какое наследие оставили демократы республиканцам // Международные процессы. 2016. Т. 14. №4(47). С. 50.

¹¹⁶ Савойский А.Г. Указ. соч. С. 18.

¹¹⁷ Там же.

только ухудшились»¹¹⁸.

Запад обострял, совершал ошибки, сознательно провоцировал и раскручивал спираль конфликта¹¹⁹. Речь идёт о «прекращен[ии] работ[ы] Совета Россия – НАТО и сотрудничеств[а] по всем линиям», о «разведывательны[х] полёт[ах] натовской авиации непосредственно вдоль границ России», о «сокращени[и] в одностороннем порядке Постоянного представительства Российской Федерации при НАТО в 2015, 2018 гг.», о «высылк[е] [в октябре 2021 г.] восьми дипломатов и упразднени[и] двух штатных единиц в Постпредстве»¹²⁰. Американцы понимали, что расширение НАТО на восток – это провокация для России.

Системное соперничество нельзя снять частично. Его системность как раз и является основным механизмом раскручивания спирали. В этой связи вспомним вывод А.А. Буниной о соперничестве РФ и США в атомной энергетике: «Во взаимоотношениях России и США можно выявить черты международного соперничества», поскольку «соперничество определяется через геополитические притязания двух государств, которые состязаются не столько за блага, сколько с целью расширения своего пространства или власти»¹²¹. Неслучайно ещё до 2022 г. популярный ныне тезис «Россия использует энергетику “как политическое оружие”» прочно закрепился в политическом словаре представителей Запада.

Выводы исследователей практически полностью соответствуют официальной российской позиции, представить которую кратко можно следующим образом.

– «Коллективный Запад» <...> не воспринимает Россию как

¹¹⁸ Рябков С.А. Само наше существование... С. 9.

¹¹⁹ Оценки американских экспертов см.: Шаклеин В.В. Сценарии будущего России в оценках американских экспертов // Международные процессы. 2015. Т. 13. №3(42). С. 108-120. По мнению В.В. Шаклеина, «[м]илитаризованная политика Соединённых Штатов планировалась как долгосрочная череда “крестовых походов”. Она порождает не столько столкновение идей, сколько интересов Америки по преобразованию мира» (Там же. С. 116).

¹²⁰ Неймарк М.А. Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе // Обозреватель – Observer. 2022. №1. С. 5.

¹²¹ Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США в атомной энергетике // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 70-88. DOI: 10.31857/S268667300016434-7-1

равного партнёра», и, хотя «роль США в этом, безусловно, одна из главных <...>, у Евросоюза нет линейной прямой зависимости от США»¹²², а значит – с европейцами можно попытаться договориться. В другом варианте: со временем европейцы окажутся вынужденными договариваться.

– «Москву видят в качестве геополитического соперника. <...> наше существование становится <...> источником тревоги по поводу безусловного характера американского доминирования в мире»¹²³.

– Однополярность в мире принципиально невозможна, сферы сотрудничества продолжают сохраняться, а альтернативные центры силы и влияния – развиваться.

– Россия имеет чёткую позицию по вопросам безопасности. Она хочет «заложить основу будущего контроля над вооружениями и мер по снижению рисков»¹²⁴. Именно поэтому она выдвинула пакет предложений «по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО»¹²⁵.

– Москва смотрит на вещи трезво и не хочет обострения: «Мы против эскалации, – заявил С.А. Рябков. – Мы против конфликтов, мы не выдвигаем никому никаких ультиматумов»¹²⁶.

¹²² Рябков С.А. Само наше существование... С. 10.

¹²³ Там же. С. 9.

¹²⁴ Совместное заявление президентов России и США по стратегической стабильности 16 июня 2021 г. // Международная жизнь. 2021. №6. С. 5.

¹²⁵ Текст российских проектов документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/ (дата обращения 18.12.2021). См., например, ст. 1 проекта Договора между РФ и США о гарантиях безопасности: «Стороны взаимодействуют на основе принципов неделимой и равной безопасности, нанесения ущерба безопасности друг друга и <...> не предпринимают действий и не осуществляют мероприятий, затрагивающих безопасность другой Стороны, не участвуют в них и не поддерживают их; не осуществляют меры в области безопасности, принимаемые каждой Стороной индивидуально либо в рамках международной организации, военного союза или коалиции, которые подрывали бы коренные интересы безопасности другой Стороны» (Там же). Или ст. 3 того же проекта Договора: «Стороны не используют территорию других государств в целях подготовки или осуществления вооружённого нападения против другой Стороны, или иных действий, затрагивающих коренные интересы безопасности другой Стороны» (Там же).

¹²⁶ Рябков С.А. «Мы должны положить конец продвижению НАТО на Восток» // Международная жизнь. 2022. №1. С. 6.

– Страны Запада провоцируют Россию и вынуждают её к определённым действиям, поскольку «сама логика подводит к тому, что мириться с происходящим, проглатывать это, делать вид, что ничего не происходит, у нас не получается»¹²⁷.

– Американцы играют с огнём, особенно в вопросе применения ядерного оружия, рассматривая «ядерные средства поражения <...> как средства поля боя»¹²⁸.

– Несмотря на сложности, Россия готова вести диалог «при условии, что наши озабоченности, наши вопросы, наши интересы получают отражение в ходе предстоящих обсуждений»¹²⁹.

– Полностью с Западом в его теперешней конструкции договориться не получится, а ограниченный характер договорённостей Россию не может устроить.

– Единство Запада имеет второстепенное значение для российской политики¹³⁰. «Фундаментальная ошибочность американской и европейской убеждённости в том, – констатировал С.А. Рябков, – что если они полностью “сомкнутся” и продемонстрируют абсолютное единение во всех аспектах своего отношения к России, то это произведёт на нас какое-то впечатление»¹³¹.

Сложилась крайне любопытная ситуация: с одной стороны, у российского руководства отсутствовали иллюзии касательно американской претензии на доминирование; с другой – обострение в двусторонних отношениях долгое время не происходило. На наш взгляд, это можно объяснить пятью причинами.

Во-первых, в политике Вашингтона наблюдались разные тенденции, что давало надежду на реальную переоценку США собственных возможностей и приоритетность внутриполитических реформ. Позитивную роль сыграли опасения американцев относительно «риск[ов] ведения одновременно двух войн – в

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Рябков С.А. Само наше существование... С. 7.

¹³⁰ О проблемах единства в исторической перспективе и гипотезы по единству см.: Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №9 С. 65-78. DOI: 10.31857/S2686673022090048

¹³¹ Рябков С.А. Само наше существование... С. 10.

Афганистане и Ираке»¹³². При Д. Трампе официально меньше говорилось о «смене режимов» и «превентивных ударах».

Во-вторых, усиленно проходила институциональная и поддерживающая разработка альтернативных маршрутов (к примеру, БРИКС и ШОС). Это требовало времени и «привязк[и] к реальности до тех пор преимущественно абстрактно[го] тезис[а] о мировой многополярности»¹³³.

В-третьих, осуществлялся концептуальный поиск. Одним из примеров, по мнению А.Д. Богатурова, О.В. Лебедевой и А.К. Боброва, было выступление президента В.В. Путина 2006 г. в МИД РФ. Тогда президент РФ сказал: «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие», поскольку «[в]нешнеполитические ориентиры России привязывались не к отношениям с Западом, а к глобальной проблематике»¹³⁴. Другой пример – статья президента Д.А. Медведева от 11 сентября 2009 г. с выводом о прагматичной модернизации и «модернизационных альянсах»¹³⁵.

¹³² Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России... С. 21.

¹³³ Там же. С. 21-22.

¹³⁴ Там же. С. 22. См. в этом контексте также «новации середины 2000-х гг»: «российская власть перестала считать идеологию демократизации руководящим мотивом внешней политики <...> был выдвинут тезис о диверсификации <...>, как инструмент[е] сокращения зависимости от транзитных стран <...> российское руководство пришло к выводу о том, что глобализация ведёт не только к унификации мира, но и к “более равномерному распределению ресурсов влияния и экономического роста, закладывая объективную основу для многополярной конструкции международных отношений”. <...> по-новому стали трактоваться источники угроз международной стабильности <...>. Американское руководство сочло, что переходный период в развитии политических процессов в России и других бывших республиках СССР завершился, <...> отпала необходимость соблюдать осторожность в отношении молодых государств ради сохранения стабильности» (Там же. С. 22-23).

¹³⁵ Суть модернизации и альянсов: «Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки, Азии. Этим странам нужны в свою очередь возможности России <...> Не ностальгия должна определять нашу внешнюю политику, а стратегические долгосрочные цели модернизации России <...> Россия <...> должна открыто и прямо говорить о своей позиции, отстаивать её на всех площадках. Не юлить и не приспосабливаться. А в случае угрозы собственным интересам – решительно защищать их» (Медведев Д.А. Россия, вперед! URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения 15.08.2022)).

В-четвёртых, реализовывались другие важные треки: внутрисирийское урегулирование, реформирование собственного общества. Успехи укрепляли уверенность.

В-пятых, началась коронавирусная пандемия.

Проблема состояла в том, что, как подчеркнул Ю.И. Надточей, «Россия и США вошли в затяжной и опасный период неопределённости с низким уровнем взаимодействия не только по вопросам, ранее представлявшим взаимный интерес, но и с фактическим отсутствием диалога по новым проблемным полям, где пересечение интересов оказывается ещё менее значимым»¹³⁶.

Выводы к разделу 3.3

1. Российско-американские отношения с их особенной динамикой («шаг вперёд – два назад») всегда оставались в той или иной мере проблемными. Поддерживаемый американцами метод сотрудничества свидетельствовал о недоверии. Россия воспринималась в качестве либо значительной, либо менее значительной угрозы.

2. Вашингтон сдерживал своих союзников и партнёров, мешал им наладить результативный диалог с Москвой.

3. Политика сдерживания России в мире и максимального вытеснения её из постсоветского пространства – часть политической реальности США. Можно вспомнить, как профессионально и слаженно определённые силы мешали президенту Д. Трампу попытаться договориться с президентом В.В. Путиным. В кризисном модусе самозащиты Трампу оставалось только постараться «отжать» по максимуму.

4. Обслуживающие и управляющие антироссийской инфраструктурой силы активизировались с 2014 г. Они настраивались на провокации и конфликты. Они были готовы к провокациям и конфликтам.

5. Европейцы не «гасили» конфликтность российско-американских отношений своими инициативами, продемонстрировав беспечность и безответственность, хотя у лидеров ЕС был шанс переключиться на опцию прогресса в развитии общеевропейской архитектуры безопасности. Официально это не было сде-

¹³⁶ Надточей Ю.И. Манифестации взаимозависимости в российско-американских отношениях // Международные процессы. 2020. Т. 18. №2(61). С. 64.

лано якобы из-за нежелания «пойти на уступки Путину».

6. Дискуссионным остаётся вопрос реформирования миропорядка без участия Америки. Т.А. Шаклеина, например, считает, что «всесильной она не является, поэтому вполне допустимо продолжать формирование основ порядка, “правил игры” между теми мировыми державами, которые готовы и заинтересованы хотя бы обеспечить более или менее эффективное управление на региональном, макрорегиональном и в какой-то степени на глобальном уровнях»¹³⁷.

3.4. Проблема стратегических вооружений – это проблема взаимодействия обладающих ядерным оружием крупных держав¹³⁸. Наверняка поэтому А.Г. Арбатов указал на то, что с падением биполярности, появлением новых глобальных центров, асимметричностью равновесия «[д]оговорно-правовой процесс сокращения ядерного оружия так и не стал многосторонним»¹³⁹.

Более того, «контроль над ядерным оружием перестал быть главной темой»¹⁴⁰. Его заменили «финансово-экономические, климатические, ресурсные, миграционные и другие проблемы глобализации, а в области безопасности – этнические и религиозные локальные конфликты, международный терроризм, распространение ядерного оружия, незаконный оборот наркотиков и другие виды трансграничной преступности»¹⁴¹.

Демаргинализация данного проблемного комплекса привела к тому, что «первый ядерный удар объявляется легитимным и эффективным способом национальной обороны»¹⁴². На Западе речь пошла о «развити[и] концепций избирательного применения [ядерного оружия] и систем (как тактических, так и стра-

¹³⁷ Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2019. Т. 17. №4(59). С. 45.

¹³⁸ О подходе нашей страны см.: Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания (Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г., № 355).

¹³⁹ Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями // МЭиМО. 2019. №11. С. 9.

¹⁴⁰ Арбатов А.Г. Грядёт ли гонка без правил? (Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями) // МЭиМО. 2019. №5. С. 25.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 26.

тегических) с боезарядами пониженной мощности»¹⁴³.

Ситуация, по мнению А.Г. Арбатова, является опасной ещё и потому, что «США и Россия стоят на пороге новой [многосторонней] масштабной гонки вооружений»¹⁴⁴. Об этом среди прочего свидетельствует разрушение договорного базиса¹⁴⁵. А.Г. Арбатов полагает, что «[я]дерное соперничество будет дополнительно соревнованием по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям в неядерном оснащении, космическому оружию, системам направленной энергии и средствам кибервойны»¹⁴⁶.

В ходе соревнования баланс сил может измениться не в пользу России: например, размещение ракет средней дальности в Прибалтике станет угрожать Уралу.

А.В. Загорский также предупреждает, что «[н]арушение любого из <...> элементов статус-кво (для него это Основополагающий акт Россия – НАТО; Договор о ликвидации РСМД; огра-

¹⁴³ Там же. См. у А.Г. Арбатова: «Все перечисленные идеи в прошлом были маргинальными и открыто высказывались по большей части стратегическими экстремистами в США и России» (Там же).

¹⁴⁴ Там же. С. 28. См. предостережение А.Г. Арбатова: «вероятен и крах Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний от 1996 г. <...>, который вот уже 23 года не может вступить в законную силу из-за отказа США, а вслед за ними ряда других стран, его ратифицировать. Тем более умрёт надежда на Договор о запрещении производства разделяющихся материалов <...>, о котором четверть века ведутся переговоры в Женеве» (Там же). Ср. у В.З. Дворкина о непредвиденных последствиях: «Разработка систем ПРО в СССР/России, США и ряде других стран в течение более 60 лет привела к значительным технологическим достижениям при создании многоуровневых космических, наземных, воздушных и морских информационных систем, средств поражения баллистических ракет и боезарядов. На этом пути ядерные ударные средства поражения уступили место новейшим высокоточным неядерным» (Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // МЭиМО. 2019. №8. С. 10).

¹⁴⁵ Дворкин В.З. Как сохранить Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // МЭиМО. 2018. № 10. С. 22-25; Новиков А.А., Медведков С.А. Международные обязательства в сфере ограничения ядерных вооружений // Военная мысль. 2021. №9. С. 6-17.

¹⁴⁶ Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями... С. 13-14. См. также: Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия (Новые технологические факторы и будущее системы контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №6. С. 9-23; Арбатов А.Г. Особенности национальной противоракетной обороны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №6. С. 6-20.

ничение обычных вооружённых сил – А.С.) <...> неизбежно будет вести к эрозии сложившегося ядерного статус-кво <...> и может обернуть вспять начатый в 1990-е гг. процесс сокращения ядерного оружия в Европе»¹⁴⁷.

В сфере вооружений, по мнению А.В. Загорского, сложилась обратная периоду холодной войны ситуация: «превосходство в обычных вооружениях на стороне НАТО <...> позволяет альянсу проводить политику “минимального” ядерного сдерживания, не предполагающую наращивание количества и диверсификацию видов нестратегического ядерного оружия»¹⁴⁸.

Несмотря на критику двустороннего характера действий РФ и США, констатирует А.Г. Арбатов, «следует обсуждать не многополярность вообще, а её ядерное измерение»¹⁴⁹, в котором как раз и лидируют обе страны с их 92% ядерных боеприпасов в мире¹⁵⁰.

Россия пыталась предпринимать упреждающие меры. В отношении СНВ-3 рассматривался сценарий, когда договор перестанет действовать и нужно будет «срочно провести переговоры о следующем договоре» и распространить его предмет на «авиационны[е] ядерны[е] крылаты[е] ракет[ы] и авиабомб[ы] по реальному оснащению бомбардировщиков <...> межконтинентальные крылатые ракеты наземного базирования, а также межконтинентальные ракетно-планирующие гиперзвуковые системы, независимо от вида их боеголовок <...> частично-орбитальные МБР и автономные <...> подводные аппараты большой дальности»¹⁵¹.

Россия намеревалась «согласовать меры транспарентности

¹⁴⁷ Загорский А.В. Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №6. С. 134.

¹⁴⁸ Там же. С. 138-139.

¹⁴⁹ Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями... С. 9.

¹⁵⁰ См. в этом контексте о подходах к стратегическому сдерживанию: «В современных условиях важнейшими становятся задачи обеспечения боевой устойчивости отечественных стратегических ядерных сил и снижения эффективности системы ПРО США до уровня, позволяющего РФ в ответных действиях нанести неприемлемый ущерб» (Евсюков А.В., Хряпин А.Л. Роль новых систем стратегических вооружений в обеспечении стратегического сдерживания // Военная мысль. 2020. №12. С. 28).

¹⁵¹ Арбатов А.Г. Грядёт ли гонка без правил?... С. 30.

и разграничения систем ПРО на стратегическую (глобальную) оборону от межконтинентальных баллистических ракет и региональные системы ПРО и ПВО для защиты от баллистических и крылатых ракет средней и малой дальности», «инициировать переговоры по космическим вооружениям»¹⁵².

А.Г. Арбатов призывает не идти на поводу у «ядерного милитаризма» и не демонстрировать «отсутствие политической воли, компетентности и адекватного понимания приоритетов безопасности»¹⁵³, активно обсуждать проблематику контроля над ядерным оружием, даже «если некоторые новейшие военные технологии не поддаются контролю»¹⁵⁴.

Определённый оптимизм относительно договорной перспективы демонстрирует В.З. Дворкин, по мнению которого, «США и Россия могли бы принять согласованные решения <...> подтвердить обязательства об организационно-технических мерах по исключению возможности немедленного применения своих СЯС на основании информации от систем предупреждения о ракетном нападении»¹⁵⁵.

В ракурсе функционирования механизмов предупреждения В.З. Дворкин отмечает, что «[к]аждая из сторон могла бы осуществлять их так, как она сочтёт это необходимым с тем, чтобы принимаемые ею организационные и технические меры можно было подтвердить путём демонстрации в рамках инспекционной деятельности, осуществляемой в соответствии с действующим Договором о сокращении стратегических наступатель-

¹⁵² Там же. С. 30-31.

¹⁵³ Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями... С. 14. Ср. у Т.Б. Аничкиной: «традиционные меры контроля не применимы к высокоточным неядерным вооружениям. Их регулирование должно осуществляться в виде поэтапного процесса, причём конечный результат, с большой вероятностью, будет более скромным по сравнению с достигнутым в рамках контроля над ядерными вооружениями» (Аничкина Т.Б. Высокоточное конвенциональное оружие большой дальности и контроль над ядерными вооружениями // МЭиМО. 2019. №9. С. 19).

¹⁵⁴ Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями... С. 13.

¹⁵⁵ Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: концепции и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №12. С. 54. См. также: Бубнова Н.И. Страновые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №6. С. 21-39.

ных вооружений между РФ и США или последующими договорами»¹⁵⁶.

Ещё один вариант продуктивного переговорного оптимизма, правда, применительно к высокоточному оружию большой дальности, встречаем у С.К. Ознобищева и К.В. Богданова: «Представляется возможным, – пишут они, – принятие соглашения, частично наследующего ДРСМД и предполагающего неразвёртывание определённых боевых средств соответствующей дальности. Такое соглашение касалось бы лишь Европы и при этом учитывало прогресс военных технологий, как минимум, применительно к ракетно-планирующим системам. <...> ограничения могут накладываться без различия типа боевого оснащения: ядерное оно или обычное – с учётом трудности его верификации и возможности быстрой замены. Наиболее перспективно, на основе имеющегося переговорного опыта, выглядит такой подход, как согласование заметных внешних конструктивных особенностей, которые отличали бы ядерные и неядерные образцы вооружений (что исключало бы развёртывание систем двойного оснащения) и определение максимального порогового значения для носителей обоих видов»¹⁵⁷.

В свою очередь, В.И. Анненков, Л.А. Кононов и Ю.Е. Фокин предложили «инновационные политические меры»: «создание института независимых экспертов по международным отношениям в ядерной сфере; содействие формированию общего образовательного пространства для подготовки независимых международных экспертов, а также международных и государственных служащих, принимающих участие в подготовке решений по проблемам международных ядерных отношений; содействие формированию единого научного пространства по исследованию глобальных ядерных проблем»¹⁵⁸.

Данная модель, по мнению этих авторов, «может кардинально изменить коммуникативную среду в международных ядерных отношениях», ограничив «возможности государств исполь-

¹⁵⁶ Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: концепции и риски... С. 54.

¹⁵⁷ Ознобищев С.К., Богданов К.В. Высокоточное оружие большой дальности в Европе: проблемы ограничения и контроля // МЭиМО. 2019. №9. С. 10.

¹⁵⁸ Анненков В.И., Кононов Л.А., Фокин Ю.Е. Перспективы международного сотрудничества в ядерной сфере // Международная жизнь. 2015. №5. С. 21.

зывать в международных отношениях двойные стандарты»¹⁵⁹.

Могли бы побудить стороны договориться и взаимные опасения, так как «если риски эскалации возможных опасных военных инцидентов на море и в воздухе вследствие значительной активизации военной деятельности России и НАТО в районах их непосредственного соприкосновения считаются сегодня приемлемыми, то понижение “порога” применения ядерного оружия, неизбежное в случае увеличения количества нестратегических вооружений и их размещения вблизи от границ России, существенно повысило бы эти риски и сделало бы их неприемлемыми. В этом никто в НАТО не заинтересован»¹⁶⁰.

Выводы к разделу 3.4

1. Альтернатива переговорам по стратегическим вооружениям между крупными странами отсутствует. Российские политики в данном вопросе едины. Этим объясняется их сдержанный оптимизм и стремление нащупать побудительные мотивы инициировать подобные переговоры¹⁶¹.

2. Ответственные политические деятели в США и России также понимают необходимость сохранять переговорные опции открытыми¹⁶².

3. Основная проблема, на наш взгляд, заключается не столько в технических характеристиках и количественных параметрах, сколько в отсутствии доверия и угрозе «новой масштабной

¹⁵⁹ Там же. С. 30.

¹⁶⁰ Загорский А.В. Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво... С. 139. См. также: Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право... С. 214-215; Барбашина К.В. Перспектива создания Центра обмена данными Россия – НАТО на территории Европы // Россия и Америка в XXI веке. 2021. №4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017778-2-1/> (дата обращения 03.02.2022).

¹⁶¹ О предыстории российско-американского сотрудничества в проблемном комплексе см.: Александрия О.М. Ядерная безопасность и российско-американское взаимодействие // Международные процессы. 2014. Т. 12. №4(39). С. 116-127.

¹⁶² О поддержании действующих договоров см.: Захарова: Россия и США обсуждают возобновление инспекций в рамках ДСНВ-3 (29 сентября 2022 г.). URL: <https://ria.ru/20220929/inspektsii-1820358602.html> (дата обращения 29.09.2022). А.А. Новиков и С.А. Медведков полагают, что «будущая договорённость должна базироваться на комплексном учёте всех факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность» (Новиков А.А., Медведков С.А. Указ. соч. С. 16).

гонки вооружений».

4. У руководства малых и средних европейских стран появился шанс несмотря на текущие трудности продемонстрировать способность действовать ответственно и выступить в качестве посредника.

3.5. Предварительные рекомендации

Проблемный комплекс российско-американских отношений – это комплекс с отложенными решениями. Придётся либо на время отказаться от работы над ним, либо переориентироваться на экспертный диалог.

В последнем случае желательно выбрать интернациональный формат и создать сайт с мощным контентом, включающим среди прочего подразделы об истории отношений двух стран, об отдельных проблемах, инициативах и предложениях. На этом сайте можно было бы разместить план-график онлайн-дискуссий и очных встреч, проводить их трансляции, выкладывать записи и текстовую расшифровку, не ограничиваться исключительно участием американистов. На каком-то этапе можно рассмотреть и сравнить политику России и США в отдельных странах и регионах.

Хотя детализация разделов сайта и алгоритмов работы не входит в компетенцию автора, надо должен заметить, что в формате международных рабочих групп только объединение всех имеющихся в политологии направлений и точек зрения способно принести успех. Состав подобных рабочих групп будет, вне сомнения, варьироваться. Однако никакие санкции не помешают специалистам принять участие в обсуждениях, если речь пойдёт о серьёзных аналитических выкладках и уникальном контенте.

Благодаря грамотно выстроенному экспертному обсуждению будет поддерживаться актуальность проблемного комплекса, сплачиваться экспертное сообщество, привлекаться молодёжь, происходить наработка рекомендаций, проектов и сценариев¹⁶³.

¹⁶³ Многие коллеги признают, что аналитическую деятельность (экспертно-аналитическую деятельность) в нашей стране предстоит совершенствовать. В этой связи см. результаты важного проекта исследовательского проекта №20-

В современной российской политологии есть дискуссионные темы и рекомендации, которые можно было бы серьёзно обсудить на отечественных площадках. Некоторые из рекомендаций сделал, к примеру, А.С. Давыдов, заметивший, что «следует попытаться взять под контроль баланс сил <...>. [Это] требует новых идей, без которых никакой российской внешней политики не будет вообще»¹⁶⁴.

Кроме того, А.С. Давыдов предложил вернуться к идее «проведения трёхстороннего форума по проблемам мироустройства, миропорядка и мирососедства»¹⁶⁵ и рекомендовал «России <...> сузить горизонт внешнеполитических амбиций, сосредоточившись на внутренних проблемах в целях восстановления экономического роста; не «оборачиваясь спиной к Азии, одновременно вернуться в Европу»»¹⁶⁶. На лицо потребность в дискуссии и уточнении¹⁶⁷. Подчеркнём, что это только один из примеров¹⁶⁸.

011-00504, поддержанного РФФИ: Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. Российская система внешнеполитической экспертизы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. №5. С. 266-292; Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. Экспертно-аналитическая поддержка внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. №5. С. 22-48.

¹⁶⁴ Давыдов А.С. Указ. соч.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Можно вспомнить американскую концепцию «сдерживания, обороны и диалога» касательно России (см. основные положения: Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия... С. 122) и попытку «проиграть» её, согласно современным условиям, по разным векторам, направлениям и доминантам (Россия – НАТО; НАТО – Россия; Европа – Азия; Азия – Европа и т.д.) и (или) по моделям конфликтов (Иванов О.П., Копылов А.В. Применение вооружённых сил США за рубежом: Правовые основы и политическая практика // Обозреватель – Observer. 2021. №3. С. 37-39). Политологические дискуссии должны допускать в качестве гипотез самые нерералистичные и противоречивые подходы. Единственное ограничение, на наш взгляд, – это конкретный предмет обсуждения.

¹⁶⁸ Применительно к стратегическому сдерживанию для дальнейшей (частично с использованием международного формата) разработки проблематики будет полезен вывод-предложение В.А. Калганова, Г.Б. Рыжова и И.В. Соловьёва: «объективные уровни неприемлемого ущерба целесообразно определять с учётом возможностей стратегического и нестратегического ядерного оружия, высокоточного оружия большой дальности и невоенных мер сдерживания, а также сочетания их применения» (Калганов В.А., Рыжов Г.Б., Соловьёв

Принципиально понимать и другое: обсуждение любых проблемных комплексов, в которые вовлечены Россия и США, будет автоматически означать обсуждение проблем общеевропейской безопасности.

Согласимся также с Ал.А. Громыко, что стратегическое мышление крупных игроков едва ли допустит исчезновение в том или ином виде сверхдержав¹⁶⁹.

ГЛАВА 4. УКРАИНСКИЙ ПРОБЛЕМНЫЙ КОМПЛЕКС

4.1. Официальная позиция¹⁷⁰

В 2014 г. на Украине произошёл государственный переворот. Президент РФ В.В. Путин назвал его «антиконституционным и кровавым». Часть Украины открыто выступила против переворота и возрождения неонацизма. На общенародном референдуме население Крыма проголосовало за вхождение в состав нашей страны. На территории Донецкой и Луганской областей образовались народные республики.

Россия, Германия и Франция стали посредниками между тогда ещё непризнанными народными республиками и Украиной, которая обязалась выполнять Минские договорённости. Затем Киев отказался от взятых на себя обязательств и прямого диалога с представителями ДНР и ЛНР. Кроме того, «киевские влас-

ёв И.В. Стратегическое сдерживание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2022. №8. С. 14).

¹⁶⁹ «Любой *крупный игрок* в международных отношениях, – пишет Ал.А. Громыко, – претендует, по крайней мере, на три вещи: <...> на *понимание* внешней среды <...> на *способность* к вычленению главных вызовов и угроз, на выстраивании их в порядке приоритетности <...> он <...> вырабатывает *механизмы по реагированию* на наиболее сильные внешние раздражители» (Громыко Ал.А. О стратегическом мышлении // Современная Европа. 2016. №2. 6-7). Выделено курсивом в предыдущей цитате автором данной работы. Не стоит забывать и о глобализации, которая, как известно, «объективный процесс, но модели глобализации – продукт системы глобального регулирования», т.е. «рукотворный» продукт (Громыко Ал.А. Новая реальность и европейская безопасность // Современная Европа. 2016. №5. С. 6). Согласование моделей и (или) взаимодействие моделей остаётся делом крупных держав.

¹⁷⁰ Цит. заседания в разделе 4.1 по: Заседание Совета Безопасности РФ, 21 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/security-council/67825> (дата обращения 22.02.2022).

ти дважды провели военные карательные операции».

В итоге мирный переговорный процесс застыл, по словам Д.Н. Козака, на «нулевой отметке 2015 г.». Как минимум две причины объясняют отказ Киева от мирного решения проблемы: во-первых, «Донбасс ни Украине, ни Западу не нужен, урегулирование конфликта не нужно, нужно замораживание конфликта» и использование его для ускоренной интеграции на Запад¹⁷¹; во-вторых, США, Франция и Германия открыто поддерживали нежелание Украины выполнять Минские соглашения. Переговоры в нормандском формате, – заметил Д.Н. Козак, – стали бессмысленными, поскольку Минские соглашения реализованы «[п]ри обычном развитии событий <...> не будут никогда»¹⁷².

В конце 2021 – начале 2022 г. ситуация на Донбассе стала обостряться. Министр обороны РФ С.К. Шойгу следующим образом информировал президента РФ и членов Совета Безопасности России о провокациях украинских властей и гуманитарной катастрофе в ДНР и ЛНР: «За 19-20 февраля [2022 г.] более 107 обстрелов, более 70 из них – это тяжёлое вооружение, 122-миллиметровые орудия, миномёты. В результате действий как диверсионных групп, так и <...> артиллерии в городе Донецке фактически отсутствует вода, во всяком случае, на 90 процентов в городе воды нет. Что касается Луганска, в двух третях города отсутствует газ; фактически все люди, которые проживали в зоне соприкосновения <...> вынуждены эвакуироваться <...> это не стихийный огонь, это огонь прицельный <...> на сегодняшний день сосредоточено и сконцентрировано на границах Луганской и Донецкой областей со стороны Украины: в общей сложности 59,3 тысячи военнослужащих <...>. По вооружению: пусковые установки “Точка-У”, 345 танков, 2160 боевых бронированных машин, 820 орудий артиллерии и миномётов, 160 реактивных

¹⁷¹ С Д.Н. Козаком согласен Д.А. Медведев: «эти территории в принципе Украине не нужны <...> это разменная карта в торговле за статус Украины».

¹⁷² См. вывод Ал.А. Громыко и В.Б. Белова 2016 г. о роли ФРГ в Нормандском формате: «В значительной мере прогресс на переговорах будет зависеть от позиции немецкой стороны» (Громыко Ал.А., Белов В.Б. Нормандский формат и Мюнхенская конференция по безопасности: противоречивый результат // Современная Европа. 2016. №2. С. 12).

систем залпового огня, в том числе установки “Смерч”».

В большинстве диверсионных провокаций участвовали неподконтрольные Киеву нацбатальоны. Несмотря на непрекращающиеся диверсии и невыполнение Минских соглашений, коллективный Запад продолжал «накачк[у] вооружением Украины». Как подчеркнул министр обороны, «с непонятными задачами».

В силу имевшегося в распоряжении Украины индустриально-технологического потенциала и персонала особую озабоченность руководства нашей страны вызвало заявление президента В.А. Зеленского о возможном возвращении статуса ядерной страны, которое прозвучало на фоне «приведени[я] в фактически самую верхнюю часть из всех ступеней боевой готовности» ВСУ и нацбатальонов. Последнее, по мнению С.К. Шойгу, свидетельствовало «о том, что готовятся либо большие, серьёзные провокации, либо готовится силовой вариант решения вопроса по Донбассу».

Украинский кризис рассматривается во взаимосвязи «с глобальными проблемами обеспечения безопасности в мире вообще и на европейском континенте в частности», поскольку со стороны коллективного Запада происходит «использование Украины как инструмента противостояния с нашей страной», что «представляет <...> серьёзную, очень большую угрозу».

Мораторий на принятие Украины в НАТО не является, с точки зрения президента РФ В.В. Путина, уступкой России. Прежде всего он соответствует интересам Альянса.

В связи с этим министр иностранных дел С.В. Лавров отмечал, что натовцы не собираются возвращаться к 1997 г., строить стратегическое партнёрство, прекращать «расширени[е] НАТО на восток и [начинать] рассмотрение конфигурации натовского присутствия на европейском континенте <...> с учётом того, о чём договаривались в рамках Россия – НАТО».

Натовцы, наоборот, намерены «расскассировать российские предложения» о стратегической безопасности, обусловить переговоры по ним «предварительными шагами по деэскалации ситуации вокруг Украины». Говоря о позиции НАТО, С.В. Лавров подчёркивал, что западные союзники напрямую зависят от Вашингтона и не являются самостоятельными.

США не собираются учитывать российские озабоченности и договариваться о конкретных мерах по безопасности. Они не могут не понимать, что потенциальное вступление Украины в НАТО напрямую угрожает безопасности России¹⁷³. Ведь Крым, который Украина считает своим, может стать поводом для вооружённого конфликта.

Сравнивая современные события с 2008 г., заместитель председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев указал на то, что будет одновременно сложнее и проще: «Сложнее, потому что масштаб потенциального конфликта не сопоставим с тем, с которым мы столкнулись в 2008 г. <...> проще, потому что <...> мы знаем, что будет происходить, мы знаем все проблемы, все трудности <...>. Мы понимаем, что давление будет запредельным, но мы понимаем, каким образом этому давлению противостоять».

Кроме того, уточнил Д.А. Медведев, «через некоторое время при умелом управлении ситуацией <...> напряжение, которое сейчас просто вибрирует вокруг нашей страны, всё равно так или иначе будет спадать. Не быстро, не одномоментно, но так устроена человеческая история, что от этой ситуации рано или поздно устанут и сами будут просить нас вернуться к дискуссиям, к переговорам по всем вопросам обеспечения стратегической безопасности».

Оценки 2022 г. совпадают с оценками, высказанными офи-

¹⁷³ См. в развитие этого тезиса вступительную часть к решениям Конституционного Суда РФ: «В условиях острого социально-экономического и политического кризиса, а также установления фактически внешнего управления со стороны коллективного Запада власти Украины проводили и продолжают проводить целенаправленную политику, препятствующую тем гражданам, которые идентифицируют себя как принадлежащих к русскому народу, сохранять свою национальную, языковую, религиозную и культурную идентичности. Это проявилось в дискриминационных нормативных актах и соответствующей правоприменительной практике государственных органов Украины, которые поощряли деятельность структур (нередко до степени фактического сращивания с ними), насаждавших идеологию и практику агрессивного национализма и антирусского неонацизма». Цит. по: Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между РФ и ДНР о принятии в РФ ДНР и образовании в составе РФ нового субъекта, Санкт-Петербург, 2 октября 2022 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision634237.pdf> (дата обращения 10.10.2022).

циальными лицами РФ ранее. В 2015 г. в то время заместитель министра иностранных дел РФ, а ныне посол РФ во Франции А.Ю. Мешков, к примеру, заметил: «Ситуация в сфере европейской безопасности находится сейчас <...> на низшей точке траектории своего развития <...> вместо строительства новой общей системы европейской безопасности было решено не только сохранить, но и расширить геополитическое влияние НАТО в качестве “элитарного закрытого клуба”»¹⁷⁴.

Заинтересованность Запада реализацией собственных целей, с точки зрения А.Ю. Мешкова, «предопределил[а] судьбу всех усилий, направленных на формирование эффективных общеевропейских платформ для обсуждения и принятия решений по ключевым проблемам европейского континента»¹⁷⁵.

Даже в экономике «Евросоюз <...> продолж[и]л последовательно расширять свою исключительную зону за счёт соседей, отношения с которыми строились по принципу “или – или”»¹⁷⁶. Перспективы энергетического сотрудничества с Европой не внушали оптимизма, потому что «[в] Евросоюзе стали делать упор на вопросе диверсификации источников энергоресурсов – сколько бы это ни стоило»¹⁷⁷.

Недоговороспособность Запада, «неготовность западных партнёров хоть как-то поступиться своими амбициями и их более чем вольное обращение с принципами ОБСЕ» стали «важнейшими факторами эскалации кризиса»¹⁷⁸, а «[у]краинский кризис послужил своего рода оселком, который проявил подлинную суть отношения Запада к России»¹⁷⁹.

Выводы к разделу 4.1

1. Не оспаривается неизбежность кардинального решения вопроса.

2. Подчёркивается, что украинский кризис является комп-

¹⁷⁴ Мешков А.Ю. Россия – Европа: что дальше? // Международная жизнь. 2015. №9. С. 6-7.

¹⁷⁵ Там же. С. 7. Речь идёт о проекте Договора о европейской безопасности 2008 г., о Комитете по вопросам внешней политики и безопасности Россия – ЕС («Мезебергская инициатива 2010 г.»).

¹⁷⁶ Там же. С. 8.

¹⁷⁷ Там же. С. 11.

¹⁷⁸ Там же. С. 9.

¹⁷⁹ Там же. С. 10.

лексным, так как Россия не только помогает населению Донбасса, но и отстаивает собственные национальные интересы¹⁸⁰. Неслучайно заместитель председателя СБ РФ Д.А. Медведев обратил внимание на «попытки Североатлантического альянса и Соединённых Штатов Америки окончательно перекроить карту мира в свою пользу, выдвинуться на наши рубежи и практически поставить нас в безвыходное положение».

3. Официальная позиция не подтверждает комментарии в ряде СМИ, что наша страна якобы создаёт новый мировой порядок. Создание нового мирового порядка – это дело и задача участников мирового сообщества. Россия решает свои задачи и готова сотрудничать с остальными странами на взаимовыгодных и равных условиях¹⁸¹.

4. Имеется представление о перспективах и динамике украинского кризиса. Вспомним слова Д.А. Медведева, что «напряжение <...> всё равно так или иначе будет спадать».

4.2. Политологический дискурс украинского кризиса

Исследователи изучают все аспекты кризиса¹⁸². А.Ю. Дробинин полагает, что «наша страна вновь переживает переломный момент в своей <...> истории. Приходится иметь дело с агрессивной реакцией части внешних игроков на абсолютно оправданные действия по защите жизненных интересов на запад-

¹⁸⁰ См. в этом контексте тезис Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова о первопричинах сложившейся проблемной ситуации: «Последовавшие за распадом Советского Союза годы показали, что этот распад был избыточным, т.е. распалось больше, чем могло бы распасться» (Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Антироссийские санкции // Современная Европа. 2016. №2. С. 24).

¹⁸¹ Из доклада дискуссионного клуба «Валдай» 2022 г.: «Военные конфликты, включая тот, который сейчас полыхает в Европе, – не признак построения нового порядка, а продукт дисфункции того, что существовал до сих пор. И хотя исправление перекосов мирового развития <...> может вести к применению военной силы, как таковая она не является и не должна являться решающим фактором в перспективе».

¹⁸² Калита В.Н. Перспективы российско-украинских отношений в свете транзита власти в Киеве // Обозреватель – Observer. 2019. №9. С. 48-58; Лункин Р.Н. Влияние украинского фактора на внешнюю политику Русской Православной Церкви // Современная Европа. 2020. №4. С. 155-164; Орлов С.Л. Слово об Украине // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №3. С. 279-283 (главный тезис – «разрушение фундамента единой исторической платформы»); Швырков А.И. Украина: закономерности распада // Полития. 2014. №2(73). С. 34-47.

ном направлении. Возник рукотворный кризис европейской безопасности и всего международного порядка, сформированного по итогам Второй мировой войны»¹⁸³.

По мнению М.А. Неймарка, украинская политика, «оторванная от Минских соглашений, [энергично] топчется на месте»¹⁸⁴. Все обозначенные Россией красные линии («безопасность русских, проживающих на юго-востоке Украины, сохранение и защита православных святынь и <...> военно-политические вопросы»¹⁸⁵) украинской властью проигнорированы.

Киев, подчёркивает М.А. Неймарк, интенационализировал кризис. Он убеждает США и остальной Запад в «единстве». Настоящие цели Украины заключаются в том, чтобы «концептуализировать в глазах США и их союзников западное направление внешней политики <...>, обосновать её жёстко очерченный антироссийский вектор, “рентабилизовать” его в своих тактических и стратегических целях»¹⁸⁶; «довести до властных структур западных стран осознание императивной необходимости своего рода “украинизации” их внешней политики»¹⁸⁷; выдвинуть «претензию <...> на более весомую роль в глобальной политике или как минимум в европейском регионе»¹⁸⁸.

К причинам подобной политики М.А. Неймарк отнёс «эпатирующ[ую] самонадеянность, желание позиционировать страну в качестве силы, способной влиять на расклад возможностей и потенциалов в геополитике <...>, стремление показать постоянную готовность выступать в роли его передового отряда в

¹⁸³ Дробинин А.Ю. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь. 2022. №8. С. 4. См. также другой вариант интерпретации: «цель Соединённых Штатов в Европе вот уже около 100 лет – не допустить появления сверхдержавы, которая могла бы объединить ресурсы Евразии и бросить вызов американскому лидерству. Контроль над Украиной является важным условием успеха этой стратегии <...> национальные интересы США и западных стран в основном нацелены на стремление разжечь конфликт двух крупнейших славянских государств» (Дзюрасов Р.С. Интересы США в Евразии и Украине // Международная жизнь. 2015. №9. С. 101-102).

¹⁸⁴ Неймарк М.А. Указ. соч. С. 3.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. С. 4.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же.

конфликтном противоборстве с Россией»¹⁸⁹.

А.В. Фролов согласен с тем, что в американском раскладе «[п]редназначение нынешней Украины <...> – это тыкать “русского медведя” палкой в бок, делать так, чтобы ему спокойно не жилось»¹⁹⁰. Однако мировые проблемы, и прежде всего ближневосточный клубок, не позволят американцам действовать одновременно успешно на различных «фронтах» геополитики.

А.Д. Богатуров, с одной стороны, пишет, что для США «приоритет – деятельная, самостоятельная Украина, активно вовлечённая в международную политику. Благодаря воплощению в жизнь этой линии у Вашингтона возникают ресурсы ослабления курса, проводимого Россией, – одного из конкурентов американской державы на мировой сцене»¹⁹¹. С другой – он обращает внимание на амбивалентность, поскольку «[с]тратегическая ситуация формирует внешнюю политику России непредвиденным образом»¹⁹², и трудно «[п]редвидеть обострение позиций сторон в текущем конфликте»¹⁹³.

Именно поэтому А.Д. Богатуров в 2014 г. предложил «смягчить последствия действий различных участников в отношении друг друга»¹⁹⁴ и выстроить статус-кво, «выявив вопросы, по которым среди стран Запада нет единства и по которым им не удаётся проводить согласованную политику»¹⁹⁵, так как «[к]ризисы автоматически не ведут к войне, но они могут давать толчок движения к конфликту»¹⁹⁶.

Д.А. Данилов уточняет изменения в интерпретации бухарестской формулировки о возможном присоединении Украины к

¹⁸⁹ Там же. Другой вариант у М.А. Неймарка: «в качестве форпоста глобальной борьбы с Россией» (Там же).

¹⁹⁰ Фролов А.В. Указ. соч. С. 11.

¹⁹¹ Богатуров А.Д. «Украинский вызов» и альтернативы внешней политики России // Международные процессы. 2014. Т. 12. №4(39). С. 11.

¹⁹² Там же. С. 6.

¹⁹³ Там же. С. 11.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С. 11-12.

¹⁹⁶ Там же. С. 15. «Кризис: а) истощает запас прочности; б) востребует перераспределение ресурсов и проверяет готовность политической системы эффективно осуществлять такое перераспределение; в) обостряет проблему оценки цены преодоления; г) стимулирует страхи и желание действовать по формуле “каждый за себя”» (Там же).

НАТО: «прежде она была формой политико-дипломатического отказа Украине, но с обещанием “вернуться когда-нибудь”. Затем при Президенте В. Януковиче – довольно неприятным для Брюсселя подтверждением натовского предложения, фактически недействительного для “внеблоковой” Украины. Теперь <...> бухарестская формулировка рассматривается как фундаментальное основание для продвижения к членству»¹⁹⁷.

Ещё в 2015 г. Д.А. Данилов предположил, что будущая «политика Запада (НАТО) будет направлена на закрепление позиции Украины в качестве партнёра-союзника и на развитие его обороноспособности. Военное планирование НАТО, основой которого вновь стала функция коллективной обороны (от “российской угрозы”), предполагает размещение сил и средств передового базирования и развёртывания вблизи российских границ, и в этом смысле Украина неизбежно рассматривается в категориях потенциального ТВД» (театра военных действий)¹⁹⁸.

Украинское руководство, «понимая всю опасность нынешнего конфликта “двух систем обороны”, сделал[о] принципиальный выбор и готов[о] строить свою политику в качестве уже не буфера, а фронтовой зоны»¹⁹⁹, поэтому «если раньше членство Украины в НАТО было красной чертой в отношениях между Россией и Западом, то теперь возник “украинский рубеж”»²⁰⁰.

В связи с тем, что «[в]опрос официального вступления Украины в НАТО перестал быть отправной точкой будущих отношений Россия – Запад, он стал производной от будущего этих отношений, <...> от способности выйти из парадигмы новой холодной войны, из “запрограммированного будущего”»²⁰¹. Благодаря этому украинский кризис можно было бы разрешить только через взаимодействие России и стран Запада.

В.И. Мироненко признаёт наличие особого украинского во-

¹⁹⁷ Данилов Д.А. Кризис европейской системы безопасности: Украина на пути к НАТО // Международная жизнь. 2015. №3. С. 95. Предысторию неоднородности см.: Маркедонов С.М., Ребро О.И., Сушенцов А.А., Чечевишников А.Л. Политика США на украинском направлении (1991–2013): между сдержанностью и всесторонней поддержкой // МЭиМО. 2020. №4. С. 15–25.

¹⁹⁸ Данилов Д.А. Кризис европейской системы безопасности... С. 101.

¹⁹⁹ Там же. С. 102.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

проса, заключающегося в «попытк[е] “опоздавшего” крупного европейского государства приспособить свою обретенную, наконец, национальную государственность и суверенитет к современным условиям»²⁰². Ключевые понятия в данной интерпретации – «опоздавшее» и «государственность».

С учётом особенностей Украины (по-иному: гибкости украинской модели), «не обременён[ной] своей государственностью <...> и тем более великодержавием», ей было «легче искать такую форму для своего относительно молодого государства, которая в большей мере отвечала бы, с одной стороны, украинской специфике, а, с другой – переживаемому государством как институтом периоду жизни – старению и упадку»²⁰³.

Впрочем, украинские политики, по мнению В.И. Мироненко, не учли, что «обретение государственного суверенитета Украиной <...> пришлось на время, когда сам институт национальной государственности сильно “вылинял”, утратил значительную часть своей привлекательности»²⁰⁴. Поэтому заложенный в модели потенциал ими не был до конца использован.

Третья украинская республика пережила многие ошибки роста: разбухание госаппарата, «социальный паразитизм» элит²⁰⁵, постоянную корректировку политической модели, трансформационные кризисы, выстраивание государства «по политическим лекалам двухсотлетней давности»²⁰⁶, высокую централизацию с недостаточным «[р]аскрытие[м] потенциала [местного] самоуправления»²⁰⁷, популизм²⁰⁸, неустойчивую (неконкурентоспособную) экономическую модель²⁰⁹. При этом сами граждане Ук-

²⁰² Мироненко В.И. Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. М.: ИЕ РАН, 2020. С. 86. См. также: Мироненко В.И. Украина. Первый год президента В. Зеленского // Современная Европа. 2020. №5. С. 121-131.

²⁰³ Мироненко В.И. Украинский транзит... С. 24.

²⁰⁴ Там же. С. 22.

²⁰⁵ Там же. С. 25.

²⁰⁶ Там же. С. 28.

²⁰⁷ Там же. С. 31. «Речь идёт <...> об отсутствии навыков демократического управления в центре и недооценке сопряженной модернизации, согласованности действий на местах» (Там же. С. 41).

²⁰⁸ «Молодое украинское государство не выработало иммунитета к самой распространённой политической болезни – популизму» (Там же. С. 47).

²⁰⁹ С элементами «монополизма, старения основных фондов и деградации инфраструктуры, сокращения в производстве доли добавленной стоимости, пре-

раины хотели «решать политические проблемы демократическим правовым путём, а не восстаниями и переворотами»²¹⁰.

Существенным элементом украинской государственности стала евроинтеграция. «В известном смысле “украинский транзит”, – отмечает В.И. Мироненко, – процесс европейской интеграции»²¹¹. Поэтому Соглашение о свободной торговле между ЕС и Украиной, с его точки зрения, неверно понимать «как резкое изменение внешнеполитической ориентации Украины»²¹² и включать его в контекст антироссийских настроений, которые «имели место особенно в западной части страны и в части политикума, но до определённого времени были маргинальными»²¹³. В настоящее время, замечает В.И. Мироненко, «[п]од “возвращением в Европу” всё чаще понимается <...> европеизация Украины»²¹⁴.

В Четвёртой украинской республике с её практически полностью обновившимся политическим классом в качестве корректирующего фактора «транзита», полагает В.И. Мироненко, добавились пандемия и война.

Крайне любопытной представляется нам статья А.А. Кривопалова 2016 г. «Военные возможности России на фоне украинского кризиса», основные тезисы которой заключаются в следующем.

Во-первых, негативное последствие украинского кризиса для России состоит в «возникновени[и] прямой военной угрозы на западном стратегическом направлении»²¹⁵.

Во-вторых, военный конфликт возможен «либо между

одоления сырьевой ориентации экспорта, расширения рынка труда» (Там же. С. 38).

²¹⁰ Там же. С. 84.

²¹¹ Там же. С. 53.

²¹² Там же. С. 54.

²¹³ Там же. Противоречия ЕС: «С самого начала в политике ЕС по отношению к Украине и её евроинтеграционным устремлениям присутствовало глубокое внутреннее противоречие. С одной стороны, ЕС ставил её в один ряд с несопоставимыми (по размеру и значению) другими новыми независимыми государствами, а, с другой, отводил ей особую роль, вступив в политический спор с РФ» (Там же. С. 56). См. также: Мироненко В.И. О некоторых аспектах евроинтеграции Украины в 1991–2014 гг. // Современная Европа. 2018. №4. С. 68–78.

²¹⁴ Мироненко В.И. Украинский транзит... С. 61.

²¹⁵ Кривопалов А.А. Военные возможности России на фоне украинского кризиса // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 42.

ДНР/ЛНР и Украиной, либо между Украиной и Россией, если в критический момент она решится поддержать ДНР/ЛНР»²¹⁶.

В-третьих, если в конфликте примет участие Россия, то, по всей вероятности, произойдёт «фронтальное выдвижение на запад развёрнутой на украинской границе группировки российских сухопутных войск вплоть до её выхода на некий рубеж, к востоку от которого проживает население, в культурно-политическом отношении склонное ориентироваться на Россию <...> речь может идти примерно о выходе на линию Днестра и на границу с Приднестровской Молдавской республикой в Причерноморском регионе»²¹⁷.

В-четвёртых, «[в]ероятным ответом со стороны США может стать немедленное развёртывание воздушного моста с целью переброски на территорию Украины американских сил быстрого реагирования и недопущения продвижения российских войск в глубь её территории без втягивания при этом в прямое военное столкновение»²¹⁸.

В-пятых, американское участие приведёт к тому, что «боевые возможности отечественной авиации и ракетных войск окажутся невостребованными при осуществлении военной демонстрации перед лицом США и их союзников <...> потребуются не выигрывать борьбу за господство в воздухе и не осуществлять операцию по изоляции поля боя, а стремительно занять определённую территорию, прежде чем соперники успеют этому воспрепятствовать»²¹⁹.

В-шестых, «даже при незамедлительном политическом решении о вмешательстве США в конфликт первые части сил быстрого реагирования смогут прибыть к месту назначения не ранее чем через 10-15 часов. Полное же развёртывание экспедиционной американской страйкербригады с опорой на киевский аэроузел может занять от 14 до 18 суток <...>. Двухнедельный запас времени позволит российской армии выполнить на Лёво-

²¹⁶ Там же. С. 43.

²¹⁷ Там же. «Российским войскам для выхода на Днепр потребуется преодолеть по прямой в среднем 300-400 км» (Там же. С. 53).

²¹⁸ Там же. С. 43. Правовые аспекты применения вооружённых сил США см.: Иванов О.П., Копылов А.В. Применение вооружённых сил США за рубежом: Правовые основы и политическая практика... С. 29-34.

²¹⁹ Кривопапов А.А. Указ. соч. С. 44.

бережье большую часть своих задач, тогда как американские войска в лучшем случае успеют прикрыть столицу Украины»²²⁰.

В-седьмых, «в будущем, по мере развития военной инфраструктуры и накопления сил НАТО и США в Восточной Европе, <...> преимущество России начнет таёть. И хотя шансы нашей страны отстоять свои законные внешнеполитические интересы в жизненно важном для неё регионе даже в этом случае сохранятся, успех во всех смыслах будет стоить дорого. От политического же класса он потребует полного напряжения всех его интеллектуальных и моральных сил»²²¹.

Выводы к разделу 4.2

1. Российские политологи продемонстрировали блестящее знание украинской проблематики и политическое прогнозирование.

2. Несмотря на это проблемами отечественной политологии остаются плохо отлаженная система синтеза имеющегося знания и наработок коллег, нерегулярность выдачи на-гора аналитических докладов и довольно слабая работа по их последующему продвижению.

3. Краткий анализ позиций показывает, что концептуального соединения тем украинской внутренней и внешней политики в политологическом дискурсе так и не произошло. Практически без внимания осталась проблематика военных действий с участием России.

4. Учитывая всю известную критику в адрес «концептуальных миноритариев», автор полагает, что концептуальное соединение разных тем, точек зрения, ракурсов и подходов – это «альфа и омега» современной политологии. Без этого конкурентоспособность российской политологической школы в мировой политической науке не может поддерживаться.

4.3. Обоснование решения о проведении специальной военной операции²²²

Украинский кризис неотделим от «фундаментальных уг-

²²⁰ Там же. С. 54.

²²¹ Там же. С. 56.

²²² Цит. в разделе 4.1 по: Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина 24 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения 25.02.2022).

роз», «которые из года в год шаг за шагом грубо и бесцеремонно создаются безответственными политиками на Западе в отношении нашей страны». К таким угрозам относятся «расширение блока НАТО на восток, приближение его военной инфраструктуры к российским границам».

После распада СССР Запад перестал воспринимать Россию как равного партнёра и начал действовать грубо. Пережитый СССР «паралич власти, воли» заставляет помнить о том, что потеря уверенности приводит к нарушению «баланс[а] сил в мире», а изменённую конфигурацию трудно вернуть в прежнее состояние.

Технологии и технологическое лидерство, утверждает президент РФ В.В. Путин, переменны, «а <...> военное освоение прилегающих к нашим границам территорий <...> останется на десятилетия вперёд, а может, и навсегда и будет создавать для России постоянно нарастающую, абсолютно неприемлемую угрозу».

США и дальше будут действовать агрессивно, исключительно в своих интересах. Неслучайно «[в]сё, что не устраивает гегемона, власть предрежащих, – подчеркнул В.В. Путин, – обьявляется архаичным, устаревшим, ненужным <...> всё, что кажется им выгодным, преподносится как истина в последней инстанции, продавливается любой ценой, хамски, всеми средствами. Несогласных ломают через колено», как это имело место в Белграде, Ираке, Ливии, Сирии.

Последствия западного порядка всегда одинаковы: «кровавые, незаживающие раны, язвы международного терроризма и экстремизма». Россию, оказывая помощь террористическим формированиям на Кавказе, также «попытались дожать, добить и разрушить уже окончательно».

Декларируемое стремление к сотрудничеству несерьёзно. С одной стороны, Россию официально объявили врагом. С другой, говорят о переговорах, бессмысленность которых заключается в том, что США не готовы брать на себя обязательства.

В отношении Украины происходит не просто «военное освоение территорий», но и, «на наших же исторических территориях», создаётся враждебная «анти-Россия», «которая поставле-

на под полный внешний контроль, усиленно обживается вооружёнными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием».

Если для США это только часть политики сдерживания, то для России «это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа <...>. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили». Данную красную черту Соединённые Штаты перешли.

Неизбежность «столкновени[я] России с этими силами»²²³ — вопрос времени, поскольку «Россия не может <...> развиваться, существовать с постоянной угрозой, исходящей с территории современной Украины».

Россия должна защищать свои национальные интересы. «Мы готовы к любому развитию событий, — предупредил российский президент. — Все необходимые в этой связи решения приняты»²²⁴.

4.4. Возможные последствия и задачи России

Подробно писать о последствиях и задачах преждевременно. Однако политологи уже выделили некоторые тенденции.

А.И. Подберёзкин предложил «срочно начинать стратегическое планирование с формулирования главной идеи, причём не только для российской нации, но и как идеи для других государств»²²⁵. Выбирать, по его мнению, придётся между «тенден-

²²³ В.В. Путин: «Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня» (Там же).

²²⁴ В современных политологических интерпретациях разделяется точка зрения президента РФ В.В. Путина. А.Д. Богатуров, О.В. Лебедева, А.К. Бобров, например, констатируют, что «дипломатическое признание ДНР и ЛНР и последовавшее за этим начало спецоперации по защите Донбасса от 24 февраля 2022 г. не просто стали вынужденной реакцией на постепенную деградацию архитектуры европейской безопасности, а фактически выступили в качестве подлинного водораздела в новейшей истории России, приведя к тектоническим изменениям как во внутренней политике страны, так и во всей системе современных международных отношений» (Новые поколения внешнеполитических доктрин России... С. 18).

²²⁵ Подберёзкин А.И. Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года // Обозреватель – Observer. 2022. №5-6. С. 24.

ци[ей] медленного разворота к национальным интересам, которая сложилась к концу 2021 г. <...>, либо [между переходом] к мобилизационному варианту национального развития и обеспечения безопасности»²²⁶. В этом выборе России важны «невоенные средства – информационные, когнитивные, связи, влияния, <...> силовы[е] невоенны[е] политико-дипломатически[е] средств[а]»²²⁷.

Принципиальную роль, с точки зрения А.И. Подберёзкина, сыграло бы «антиамериканское, антизападное движение» в мире, «лидерами которого [могли бы стать] Китай, Индия или Россия»²²⁸. Для А.И. Подберёзкина данное движение содержательно составляет «главн[ую] иде[ю] внешнеполитической стратегии России в мире»²²⁹.

В свою очередь, официальный Киев пытается убедить США в том, что гарантии безопасности и «укрепление украинских вооружённых сил настолько, чтобы они могли противостоять России»²³⁰, напрямую связаны со статусом сверхдержавы.

Европейский союз, не ослабляя поддержку Украины, сделал ставку на ускоренную реализацию собственных программ, которые «касаются усиления военного потенциала <...> ЕС и устойчивости экономик стран-членов»²³¹. А.С. Айвазян указывает на «долгосрочную перспективу»²³² этих программ, из чего можно предположить, что у ЕС не получится полностью вычеркнуть Россию из своей экономики, а значит – сохраняются перспективы частичной нормализации отношений²³³.

²²⁶ Там же. С. 5.

²²⁷ Там же. С. 7.

²²⁸ Там же. С. 12.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Соловьёв В. Северогарантический альянс: Украина предлагает создать новый блок вокруг себя. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5559559> (дата обращения 20.10.2022).

²³¹ Этап специальной военной операции на Украине... С. 12-13.

²³² Там же. С. 12.

²³³ См. схожие тезисы коллег. Л.О. Бабынина: «ЕК будет ускоренно проводить мероприятия по снижению зависимости от российских нефти, газа и угля. Полный гипотетический отказ от ископаемого топлива из РФ займёт минимум несколько лет. План Комиссии будет реализован в любом случае, но его график может зависеть от перспектив мирного урегулирования на Украине» (Там же. С. 33). С.А. Рогинко: «Перспектива полного отказа ЕС от российского га-

Ал.А. Громыко полагает, что «[в] состоянии высокой конфронтации ЕС будет находиться с Россией теперь по крайней мере несколько лет. <...> этот очередной всплеск вражды [не] навеки. Слишком многое в практическом плане будет со временем подталкивать обе стороны к нормализации там, где интересы пересекаются, – и в экономике, и в политике»²³⁴.

По всей видимости, этой же точки зрения придерживается О.Ю. Потемкина, заметившая, «что Совет ЕС будет действовать в зависимости от результатов специальной военной операции на территории Украины», а «летальное оружие будет поставляться до тех пор, пока не окончатся боевые действия»²³⁵.

Д.А. Данилов уточняет, что России придётся считаться с тем, что «европейские партнёры США имеют возможность влиять на конкретные детали “сделки”, но не на стратегию в отношениях Россия – Запад»²³⁶, поскольку текущая «[б]орьба Запада <...> предполагает углубление разлома между противостоящими центрами силы и снижение до минимума способности договориться»²³⁷.

4.5. Заключительные размышления

Создавшуюся для России ситуацию можно трактовать как стремление США затянуть украинский конфликт, продолжить

за к 2025–2027 гг. представляется необеспеченной ни по источникам газа, ни по доступным технологическим решениям <...>. Отрезвление евросоюзных и обновлённых германских элит, неизбежное в такой ситуации, скорее всего, выразится в публичной истерии, сопровождаемой “теневыми” переговорами, возможно, при посредничестве третьих сторон» (Там же. С. 65). «Умеренный сценарий постепенного отказа от российского газа» должен занять, по мнению С.А. Рогинко, 10-15 лет (Там же. С. 66). В эти условиях России необходимо «в ближайшие 3-4 года создать задел для будущей коренной диверсификации российского экспорта газа» (Там же).

²³⁴ Громыко Ал.А. О проблемах и перспективах развития Европейского союза // Проблемы национальной стратегии. 2022. №4(73). С. 83.

²³⁵ Этап специальной военной операции на Украине... С. 23. См. также: Потемкина О.Ю., Шариков П.А., Кавешников Н.Ю., Бажан А.И., Рогинко С.А. Последствия «украинской европерспективы» для Европейского союза // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Вып. II. №18 (№285). С. 52-72 DOI: 10.15211/analytics218202215257.

²³⁶ Этап специальной военной операции на Украине... С. 85.

²³⁷ Там же. См. также у Д.А. Данилова: «Нынешняя парадигма не связана с постулированием и реализацией совместной заинтересованности сторон в построении общего пространства безопасности» (Там же).

борьбу по ослаблению нашей страны, окончательно и бесповоротно втянуть в неё своих европейских союзников, сделав их на годы заложниками ситуации и обязательств.

В этих условиях конфликтность будет возрастать и её сможет устранить только изменение внутривнутриполитического расклада сил в Америке или более важные мировые проблемы и кризисы. Речь, по сути, должна пойти о перенапряжении сил США.

Если трактовка верна, то Соединённые Штаты будут всячески избегать признания в перенапряжении, потому что оно вынудит их выйти из статуса сверхдержавы. Вовремя или с запозданием американцы попытаются переложить бремя расходов и ответственности на европейских союзников²³⁸, многие из которых в «старой Европе», не забывая демонстрировать единство, пока пребывают в растерянности²³⁹.

В ситуации затягивания позиционной борьбы и непрекращающегося обострения конфликта важно артикулировать последствия выжидания и безропотного следования за американцами для всех сторонников продолжения конфликта, иными словами – конкретизировать угрозы длительной дестабилизации.

Принятые в период дестабилизации решения не могут быть до конца выверенными, а национальное реформирование не принесёт желаемых результатов. Европейские партнёры США вряд ли захотят допустить приостановку или ошибочное разви-

²³⁸ В этом контексте см. вариантивную («гибкую») мессианскую аргументацию в выступлении госсекретаря США Э. Блинкена в Стэнфордском университете (октябрь 2022 г.): «С нашей точки зрения, сейчас идёт соревнование за форму того, что будет в следующем за холодной войной периоде, чьи ценности будут отражены. У нас простой выбор, и это стало очевидно после Второй мировой войны, что мир сам себя не организует <...>. Для США выбор такой: если мы не участвуем в организации, если не занимаем лидерскую роль, это означает одно из двух: либо её занимает кто-то другой, возможно Китай, и не в том ключе, который совпадает с нашими интересами и ценностями, либо, того не лучше, никто не занимает, тогда получится вакуум, который могут заполнить плохие вещи, прежде чем заполнить хорошие» (Цит. по: URL: https://www.kommersant.ru/doc/5632146?from=glavnoe_2 (дата обращения 26.10.2022)).

²³⁹ См. критику европейских лидеров и их поведения по Украине со стороны Р.Т. Эрдогана в октябре 2022 г. в Праге: «думали только в моменте» (Эрдоган: страны ЕС не смогли объективно оценить последствия украинского кризиса (10.10.2022 г.) URL: https://www.kommersant.ru/doc/5606905?from=top_main_8 (дата обращения 11.10.2022)).

тие их национальных программ. Временное окно, которое способно обеспечить конкурентоспособность и управляемую эволюцию «европейской модели» на несколько ближайших десятилетий, очень ограничено. Привычные лидеры стремительно теряют былое могущество и влияние. Тот же франко-германский тандем не очень успешно выдерживает проверку кризисом.

Пытаясь приостановить развитие России, европейские союзники США едва ли смогут существенно замедлить развитие других игроков, конкретный конфликтный потенциал которых ими, по всей видимости, детально не просчитан.

Именно в этом контексте следует понимать слова бывшего федерального канцлера Германии А. Меркель о невозможности построить работоспособную «общеевропейскую архитектуру безопасности» без России²⁴⁰. За этим когда-то очень популярным и часто ритуально повторяемым тезисом сегодня виден не только опыт государственного деятеля, не побоявшегося в самый разгар кризиса в октябре 2022 г. высказать свою позицию, но и очевидное: альтернативы участия России в архитектуре безопасности нет. С Россией всё равно придётся договариваться («напряжение <...> всё равно так или иначе будет спадать»). Ставка на её слабость и всякого рода «разрушения страны» не помогут решить проблем.

Всем странам Европы рано или поздно придётся найти себя в новой реальности и приняться за выработку новых механизмов деэскалации. Для того чтобы начать дипломатический диалог уже сегодня, нужно думать не о текущих событиях, линиях разграничения и поставках вооружений, а о взаимовыгодном и приемлемом *конечном* результате. Тогда дипломаты смогут вер-

²⁴⁰ Goslar: Angela Merkel würdigt 1100-jährige Geschichte. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/feste-goslar-angela-merkel-wuerdigt-1100-jaehrige-geschichte-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-220929-99-948954> (дата обращения 10.10.2022). См. также замечание Президента РФ В.В. Путина о позиции Г. Коля: «Мне когда-то Гельмут Коль сказал, что Штаты займутся когда-то своими делами, в том числе в Латинской Америке, Азия будет мощно развиваться своим путём, если европейская цивилизация хочет сохраниться как какой-то мировой центр, то, конечно, нужно быть с Россией» (Выступление президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2022 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения 28.10.2022).

нать ситуацию в русло эволюционного и более контролируемого развития, пусть даже в виде «поиск[а] путей сдерживания катастрофической военно-политической деградации»²⁴¹.

ГЛАВА 5. ПОЛИТОЛОГИ О «КАВКАЗСКОМ ПРОБЛЕМНОМ КОМПЛЕКСЕ»

5.1. Цель и методология анализа комплекса

Конкурентоспособность современной российской политологии в сфере безопасности будет зависеть, на наш взгляд, от способности быстро и качественно решать *конкретные* задачи и давать *практико-ориентированные* конкретные рекомендации.

Конкретность и практическая ориентированность предполагает создание новых и(или) совершенствование регулярно функционирующих дискуссионных площадок с предъявлением к ним следующих пожеланий: более плотный график работы; привлечение различных исследователей²⁴²; возможность каждого из исследователей внести свой вклад в промежуточный и конечный результаты; использование междисциплинарного подхода; приоритетная ориентация на результат и его чёткую письменную фиксацию в виде рекомендаций и сценариев²⁴³; отказ от развёрнутого и времязатратного представления индивидуальных авторских позиций; чёткий каталог обсуждаемых вопросов и проблем; *предварительный* системный анализ работ коллег по выносимой на обсуждение проблеме.

Последнее, на наш взгляд, принципиально, поскольку наработки многих авторов продолжают оставаться неизвестными, а гарантией успеха и предметности обсуждения является предварительное знание работ коллег. Речь идёт не о реферировании,

²⁴¹ См. сн. 1 данной работы.

²⁴² В более широком контексте о важности выстраивания внутренних профессиональных диалогов: «Будущее мировое устройство формируется на наших глазах. И в этом мировом устройстве мы должны выслушать всех, принять во внимание каждую точку зрения, каждый народ, общество, культуру, каждую систему мировоззрений, идей и религиозных представлений» (Выступление президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2022 г.).

²⁴³ По «валдайским дискуссиям» см.: «Ценность валдайских дискуссий в том, что здесь звучат самые разные оценки и прогнозы» (Там же).

а о формулировании обсуждаемой проблемы через концептуализацию авторских позиций.

Под концептуализацией понимается определение линий анализа, точек сближения и перспектив общего решения различными авторами проблем(ы), иными словами – необходимо заранее увидеть во множестве и в многообразии индивидуальных подходов и тем потенциал предметности и многовариантности.

Дискуссионными остаются вопросы, кто и где должен осуществлять предварительную концептуализацию, кто станет выполнять роль интегратора и(или) медиатора. По всей видимости, имеет смысл отвечать на эти вопросы в каждой ситуации адресно.

В данной работе автору было важно показать один из вариантов концептуализации. Для реализации этой цели были взяты статьи, вышедшие с января по октябрь 2022 г. и посвящённые «кавказскому проблемному комплексу». Проблемный и содержательный ракурс определяли авторы статей. Именно этим обусловлены кавычки в названии главы. Путём сплошной выборки были отобраны 22 статьи. После прочтения выборка была сокращена до 17 статей. Использованные статьи приведены в списке литературы.

Пришлось отказаться от исторических сюжетов, так как они должны составить самостоятельный предмет дискуссии. В п. 5.2 представлен содержательный итог концептуализации; в п. 5.3 – потенциал предметности и многовариантности. Предметное обсуждение, на наш взгляд, нужно начинать только после определения потенциала.

5.2. Содержательный итог концептуализации

В кавказском регионе интенсивно меняется структура претендующих на влияние, стабилизацию и дестабилизацию игроков. Этот процесс, по мнению ряда коллег, связан с «рост[ом] геополитического значения региональных центров, консолидирующих в себе экономические ресурсы и зону геополитического влияния»²⁴⁴, в частности Турции.

²⁴⁴ Гулиев О.Э. Многовекторная внешняя политика Турции в контексте ближневосточных политических процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. №1(70). С. 119.

Раскрытие турецкого фактора происходило не одномоментно. Оно осуществлялось на фоне представления общего видения внешнеполитической роли²⁴⁵ и претензий страны в мире. Турция намерена стать постоянным членом Совбеза ООН. Она стремится, используя миграционный козырь и возможный газовый хаб, разграничить отношения с ЕС, периодически втягивается в конфликты и идёт на «столкновени[е] интересов с региональными и глобальными центрами политической силы»²⁴⁶.

Прощупывание турками границ собственных возможностей сопровождается появлением инициатив и новых форматов. Наверняка по этой причине «осенью 2019 г. президент Турции Реджеп Эрдоган впервые озвучил лозунг “Шесть государств – одна нация” – мечту о создании единой тюркской нации в составе Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана»²⁴⁷.

Контакты с Россией выстраиваются разновекторно. Российско-турецкие отношения можно обозначить как сложное сотрудничество. Успехом считаются прежде всего экономические проекты: строительство атомной электростанции, «Голубой поток» и «Турецкий поток»²⁴⁸. В политической сфере существуют противоречия, которые сторонам, однако, пока удаётся компромиссно («с постановкой многоточия») разрешать²⁴⁹. Слож-

²⁴⁵ О.Э. Гулиев ссылается на бывшего министра иностранных дел Турции А. Давутоглу, который «заложил принцип ориентации на историческое прошлое при выстраивании взаимоотношений с региональными государствами и на общие духовные ценности» (Там же. С. 122).

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Шумилов М.М., Шумилов Ю.М. Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания пантюркистской армии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. Вып. 5: Часть 1. С. 323.

²⁴⁸ Пример военно-технического сотрудничества – приобретение Турцией ЗРК С-400.

²⁴⁹ Краткое описание российско-турецкого взаимодействия в карабахском конфликте 2020 г.: «Конфликт обострился 27 сентября 2020 г. С этого дня министры иностранных дел и министры обороны России и Турции находились в контакте (1, 11, 12, 13 октября, 10, 11 ноября), а 24 ноября состоялся личный разговор Путина и Эрдогана <...>. 14 ноября появились заявления об участии турецких боевиков в Нагорно-Карабахском конфликте <...> Эрдоган <...> информацию о боевиках опроверг. 18 ноября Владимир Путин подтвердил, что

нее развиваются контакты между Турцией и Ираном.

На изменение структуры и силы участников в регионе накладываются системные процессы в мире. Поэтому Турции необходимы особые союзнические отношения, которые ей в состоянии предоставить Азербайджан.

Благодаря турецкой военно-технической помощи на новой стадии карабахского конфликта в 2020 г. «Азербайджан достиг основной военно-политической цели – возвращения азербайджанских районов, с 1993 г. присоединённых и контролируемых Арменией, но при этом контроль над территорией непризнанной НКР был установлен лишь частично»²⁵⁰.

Турция действует поэтапно и осторожно, не хочет провоцировать Россию и открыто мешать российскому посредничеству. «Благодаря <...> дипломатии России в ночь с 9 на 10 ноября, вскоре после потери армянами контроля над Шушой, президент Азербайджана, премьер-министр Армении и президент России подписали трёхстороннее заявление о прекращении боевых действий, а в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора были развёрнуты российские миротворческие силы»²⁵¹.

10 декабря 2020 г. в Баку прошёл военный парад, в котором участвовали «почти 3000 турецких солдат», а в колонне с техникой были показаны «турецкие и израильские беспилотники».

15 июня 2021 г. в Шуше была подписана одноимённая декларация, согласно которой «Баку и Анкара окажут друг другу помощь в случае угрозы или покушения третьего государства на независимость или территориальную целостность любой из

Турция не нарушала нормы международного права, поддерживая Азербайджан, как считали в европейских государствах. Российские представители изначально объясняли, что позиции России и Турции по Нагорно-Карабахскому конфликту расходятся, но это не может стать причиной эскалации и не может привести к конфликту между двумя странами» (Бродовская Е.В., Тягина М.В., Давыдова М.А. Репрезентация российско-турецких отношений в социальных медиа (2020–2021 гг.) // Известия Тульского государственного университета: Гуманитарные науки. 2022. №3. С. 7).

²⁵⁰ Тонкошкuroв В.П., Шигин А.В. Нагорный Карабах: российская миротворческая операция // Военная мысль. 2022. №4. С. 45.

²⁵¹ Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. №2. С. 142.

сторон»²⁵². В этой связи не стоит забывать также о совместных учениях.

Очередное обострение в Нагорном Карабахе в 2022 г., активизация посредничества ЕС и США – это не в последнюю очередь последствия задействования России в украинском кризисе.

Что касается российской миротворческой операции, то «[о]снову Российского миротворческого контингента <...> составила 15-я отдельная мотострелковая бригада» с «[о]бщ[ей] численность[ю] <...> 1960 военнослужащих, 90 БТР-82А, 380 единиц[ами] автомобильной и специальной техники», с 8 «вертолёт[ами] Ми-24п и Ми-8амтш, 7 БПЛА»²⁵³.

Военные эксперты отмечают «сжатые сроки перегруппировки», поскольку 10 ноября 2020 г. «было выполнено 27 самолётно-рейсов Ил-76 и Ан-124», позднее – «от 22 до 23» ежедневно, что позволило в течение четырёх дней завершить «переброску <...> главных сил»²⁵⁴.

В следующем месяце «было создано три зоны ответственности», а в январе 2021 г. появился Центр гуманитарного реагирования с «центр[ом] гуманитарного разминирования, центр[ом] по примирению враждующих сторон, центр[ом] транспортного обеспечения, центр[ом] медицинского обеспечения, центр[ом] торгово-бытового обеспечения»²⁵⁵.

Тогда же в январе 2021 г. начал работать паритетно составленный «российско-турецкий центр <...>, отвечающий за контроль за режимом соблюдения прекращения огня в Нагорном Карабахе»²⁵⁶.

Благодаря гуманитарному разминированию «от неразорвавшихся боеприпасов <...> было очищено более 2300 гектаров территории, более 650 км дорог, более 1900 зданий, обнаружено и обезврежено более 26 000 взрывоопасных предметов». Результатом стал перевод в рабочий режим «более 30 социально значимых объектов Нагорного Карабаха, 40 км линий связи и 15 км газопровода», а также возвращение «свыше 52 тыс. чело-

²⁵² Шумилов М.М., Шумилов Ю.М. Указ. соч. С. 323.

²⁵³ Тонкошкuroв В.П., Шигин А.В. Указ. соч. С. 45.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же. С. 47.

²⁵⁶ Там же.

век». Российскими миротворцами «была полностью восстановлена разрушенная войной система электроснабжения»²⁵⁷.

В рамках миротворческой операции «были <...> развёрнуты два военно-полевых госпиталя (г. Мардакерт и аэродром Степанакерт)», а военные врачи «оказа[ли] медицинск[ую] помощь более чем пяти тысячам местных жителей»²⁵⁸.

К особенностям российской миротворческой операции в Нагорном Карабахе эксперты отнесли: 1) «применение <...> штатного соединения Сухопутных войск»; 2) «действова[ние] в условиях, когда вопрос об урегулировании государственных границ между Азербайджаном и Арменией <...> не поднимался»; 3) «выполн[ение] огромн[ого] перечен[я] задач, несвойственных Вооружённым Силам»²⁵⁹.

Параллельно с российской миротворческой операцией Турция и Азербайджан продолжили «дипломатическую перегруппировку»²⁶⁰ и предложили формат «“3+3” (три закавказские страны – Армения, Грузия и Азербайджан, а также Россия, Турция и Иран) для обсуждения ситуации в регионе в свете последних событий, обеспечения коллективной безопасности и сотрудничества»²⁶¹. Грузия под американским воздействием ожидало выступила против.

По мнению А.Ю. Борзовой, Е.М. Савичевой и Л.Т. Кулумбеговой, в западных аналитических центрах «начинает делаться ставка на разыгрывание “грузинской карты”, которая может содействовать росту влияния США в регионе, но никак не <...> миру и стабильности»²⁶².

Сложность ситуации будет заключается в том, что обязательства (договор между Арменией и Азербайджаном в «вашингтонском» или в «московском» вариантах²⁶³, если он будет

²⁵⁷ Там же. С. 48.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же. С. 50.

²⁶⁰ Имеется и другая трактовка: «турецкая внешнеполитическая стратегия в регионе рассматривается как политика коллективного Запада, вовлечённость которого в региональные проблемы нуждается в усилении» (Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т. Указ. соч. С. 141).

²⁶¹ Там же. С. 143.

²⁶² Там же. С. 144-145.

²⁶³ В.В. Путин о позиции России: «мы говорили: давайте будем двигаться к

заклѹчен) ещѣ предстоит полностью выполнить, а желающим выступить гарантами Соединѣнным Штатам и Евросоюзу временно придется брать на себя бѳольшую ответственность и, независимо от их текущей санкционной политики и конфликтного настроения, сотрудничать с Москвой. У них не получится проигнорировать реальность «на земле»²⁶⁴.

Функции гаранта политологи предлагают рассматривать через неоднородность постсоветского пространства, поскольку с точки зрения «выбранной странами интеграционной стратегии» можно выделить три группы: «государства – участники ЕАЭС, для которых РФ выступает ключевым союзником и партнером в экономической и прочих сферах интересов <...>. Туркменистан и Азербайджан, для которых связи с Россией играют чуть меньшую роль из-за плотного взаимодействия с другими странами, формирующими спрос на нефть и природный газ. Третья группа представлена Грузией и Украиной, избравшими США и иных членов НАТО в качестве ключевых партнеров»²⁶⁵. Посредничество между государствами, если исходить из существования данных групп, не может быть одномерным и простым. Сомнительно, что в США и ЕС это до конца понимают²⁶⁶.

В военно-техническом плане уроком карабахского конфлик-

нормализации отношений. Есть два района, Кельбаджарский и южнее <...> для связи с Карабахом – два района <...> вполне достаточно <...> было бы справедливо – вернуть беженцев <...>. Армянское руководство пошло своим путем <...>. Вопрос, какой вариант избрать. Это дело Армении, армянского народа и армянского руководства» (Выступление президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2022 г.).

²⁶⁴ См. о цели РФ: «Россия считает важным активнее запускать механизмы создания больших пространств, построенных на взаимодействии стран-соседей, чья экономика, социальная система, ресурсная база, инфраструктура дополняют друг друга. Такие большие пространства, по сути, и есть основа многополярного мироустройства – экономическая основа» (Выступление президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2022 г.).

²⁶⁵ Гусев А.Б., Юревич М.А., Екимова Н.А., Адвокатова А.С. Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия // *Тетра Економіс. 2022. №20(2). С. 24.*

²⁶⁶ О ЕС см.: Айвазян А.С. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? М.: ИЕ РАН, 2022. 156 с.

та 2020 г. с «характерны[ми для него] <...> рейдовы[ми] действия[ми] для овладения господствующими высотами, узлами дорог и опорными пунктами при поддержке ударными БЛА» стали предложения *создать* «в тактическом звене качественно подготовленн[ую] помехоустойчив[ую] систем[у] ПВО <...> [с] применение[м] роботизированных средств, которые смогут быть эффективны для уничтожения малоразмерных воздушных целей на небольших высотах», *внедрить* «многофункциональн[ую] систем[у] противодействия БЛА»; *модернизировать* «существующи[е] средств[а] ПВО»; *оснастить* «существующи[е] комплекс[ы] ПВО средствами РЭП»; *разработать* «нов[ый] комплекс[с] ПВО, ориентированн[ый] на противодействие <...> БЛА»²⁶⁷.

С учётом пятилетнего/пятнадцатилетнего временного окна на создание «специализированных средств (комплексов) противодействия БЛА» военные эксперты рекомендуют «для решения тактических задач прикрытия от атак БЛА опорных пунктов отдельных подразделений, выполняющих задачи в отрыве от основных сил, <...> примен[ять] имеющ[иеся] в наличии инженерны[е] боеприпас[ы] – осколочны[е] мин[ы] направленного поражения МОН-90, МОН-200»²⁶⁸.

5.3. Варианты тематического соединения

Если в качестве возможной конкретной цели применительно к «кавказскому проблемному комплексу» будет поставлена задача рассмотреть на предмет представления практических рекомендаций тезис президента РФ В.В. Путина о том, что «интеграция <...> – раскрытие потенциала каждой цивилизации в интересах целого, ради общего выигрыша <...> совместная выработка общих стратегий, выгодных всем»²⁶⁹, то тематическое соединение на основе проанализированного в п. 5.2 материала может выглядеть как поиск ответов на шесть конкретных вопросов: «Является ли карабахский проблемный узел примером

²⁶⁷ Соколов Н.А., Рябухин Д.А. К проблеме противодействия беспилотным летательным аппаратам в условиях ограниченных ресурсов. Опыт Карабаха // Известия ЮФУ: Технические науки. 2022. №1. С. 19-20.

²⁶⁸ Там же. С. 26.

²⁶⁹ Выступление президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2022 г.

“совместной выработки общих стратегий, выгодных всем”?»; «Какие подходы должны быть представлены в таком “общем выигрыше”?»; «Как российско-турецкие и турецко-азербайджанские контакты и отношения могут способствовать формированию “общего выигрыша”?»²⁷⁰; «Какова роль российских миротворцев?»; «Как нужно строить отношения с США и ЕС?»; «Какую роль сыграет посредничество между государствами постсоветского пространства, находящимися в разных группах?».

Формулирование вопросов помогает расставить их в приоритетном порядке и выделить подгруппы для последующей работы. На наш взгляд, могли бы появиться 11 подгрупп, которые занялись бы: 1) имеющимися и потенциальными (с точки зрения “общего выигрыша”) подходами; 2) позициями России и Турции и путями их (поэтапного) сближения; 3) позициями Турции и Азербайджана и перспективами расхождений между двумя странами; 4) сходством и отличиями поэтапного сближения в разных вопросах позиций основных игроков; 5) сохранением и (или) изменением функционала российских миротворцев; 6) сохранением и(или) изменением миротворческого формата и его функций; 7) позициями США и ЕС и их временной согласованностью с подходами остальных игроков; 8) влиянием «группового» фактора на посреднические усилия и преодолением трудностей; 9) тактикой и стратегией развития «интеграции» в понимании, предложенном президентом РФ В.В. Путиным; 10) перспективами взаимодействия в сфере военного сотрудничества; 11) возможными нестандартными ситуациями и антикризисными сценариями их устранения.

После корректировки количества подгрупп и вопросов, которыми им предстоит заняться, имело бы смысл выработать по-

²⁷⁰ В п. 5.1 автор подчеркнул, что «проблемный и содержательный ракурс определяли авторы статей». В выбранный временной период не рассматривается позиция Армении. В статье Э.И. Атабай «Военные взаимоотношения России и Армении в рамках ОДКБ в контексте безопасности на Южном Кавказе» (Постсоветские исследования. 2022. Т.5. №3. С. 260) нагорнокарабахскому конфликту 2020 г. посвящён всего один абзац, в котором отсутствует оценочная часть. Перечень приведённых вопросов составлен на основе проанализированных статей. Однако перечень может и должен быть расширен с учётом характеристики позиции Армении. Это и имеет в виду автор, когда указывает далее на корректировку.

рядок и этапы работы, а также договориться о результате и его письменной фиксации.

Предположим, что в такую работу с корректированным перечнем вопросов и количеством подгрупп будут вовлечены политологи из стран, предложенных турецким президентом в формате «3+3». В этом случае Грузия едва ли отказалась бы от участия: сомнительно, что даже под влиянием США она решилась бы ограничить свободу научного творчества. Практическая значимость результата очевидна. Очевиден и дополнительный эффект, выражаемый в «раскрыти[и] потенциала каждой цивилизации в интересах целого, ради общего выигрыша».

Таким образом, формы, площадки и тематический спектр взаимодействия могут быть различными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Классические» проблемные комплексы в сфере общеевропейской безопасности – это *ограниченные* системы: они состоят из элементов, задействуют институты, сменяющих друг друга игроков и не обязательно напрямую связаны с архитектурой безопасности в Европе.

В их эволюционном течении, как правило, получается добиться переноса проблемного комплекса в новую ситуацию со значительными усложнениями и минимальным прогрессом.

Регресс в одном из комплексов тормозит прогресс в другом, что заставляет удерживать во внимании все комплексы и постоянно настраивать алгоритмы работы с каждым из них. В результате из малых ограниченных систем рождается большая ограниченная и чрезвычайно затратная по времени и ресурсам мегасистема, управление которой и считается почему-то политикой безопасности. Её существование оправдывается указанием на признание реалий, хотя те же реалии являются рукотворными категориями.

Мегасистема, поскольку в ней постоянно присутствует фактор проблемности, конфликтна и противоречива. Любые усилия по поддержанию, управлению и достижению приемлемого уровня проблемности неизбежно сменяются желанием ускорить

процессы, по-иному – сменой эволюционного на революционное течение проблемности. Последнее, как правило, не помогает решению, а лишь ещё больше усложняет процессы и реалии.

В актуальном варианте проблемного подхода с его комплексами и мегасистемой проблемы не могут быть разрешены долгосрочно и успешно. Он нацелен исключительно на то, чтобы попытаться ограничить число конфликтов.

Несмотря на это «участникам» мегасистемы, если они не собираются работать над общеевропейской архитектурой безопасности и фундаментальными проблемами, принципиально важно получать всесторонний анализ состояния и потенциальных угроз изменений как в мегасистеме, так и в любом из проблемных комплексов. Потребность в данном анализе активизирует диалоги в автономном экспертном и смешанном экспертно-дипломатическом формате.

Практическими результатами регулярной работы подобных диалоговых площадок становятся ситуативный анализ, учитывающий ракурс (видо)изменения проблемных комплексов, а также сценарии с оценкой предполагаемых преимуществ и недостатков применения тех или иных конкретных мер. Профессионализм участников и регулярность использования экспертного и экспертно-дипломатического форматов будут прямо пропорциональны успешности последующих политических решений и усилий по ограничению конфликтного потенциала.

В работе диалоговых площадок придётся смириться с тем, что долгосрочный статус-кво в период трансформаций не достигим. Следовательно, при целеполагании в сфере безопасности необходимо будет хотя бы временно отказаться от статус-кво.

Общей целью, способной объединить проблемный и стратегический подходы, может стать новое лидерство. Если критерии традиционного лидерства сориентированы на материально-технологические и ценностные ресурсы, то представление о новом лидерстве нужно дополнить умением координировать действия, готовностью совместно работать над общими интересами, способностью объединять на общих площадках и в общих группах разных по взглядам и интересам игроков, отсут-

ствием деления на «хороший – плохой» и «свой – чужой».

Экспертные диалоги способны заложить институциональный и содержательный фундаменты нового (не ресурсного, а процессуально-ресурсного) лидерства, в котором правильное использование ресурсов играет большую роль, чем обладание ими во имя доминирования²⁷¹.

Важно закрепить в общественном сознании мысль о том, что «старые» лидеры борются за старые ценности, а новый (трансформирующий) мир нуждается в новых ценностях, к которым, к примеру, относятся ответственность, взаимодействие и «укрепление доверия». Тем самым процессы будут детализированы принципами.

Важно также включить в общественный дискурс европейских стран мысль о том, что понимание безопасности предшествует политике безопасности, а значит – анализ проблемных комплексов в открытом дискурсе должен осуществляться не только через характеристику внутренних процессов, происходящих в них, но и через феномен безопасности, т.е. на основе детального ответа на вопрос «Как принимаемое или предлагаемое в данном проблемном комплексе способствует безопасности?».

В ближайшие 10-15 лет общая работоспособная архитектура европейской безопасности едва ли возникнет. Поэтому в качестве рекомендаций с «архитектурой», которые автор упомянул во введении, можно частично использовать предложения, сделанные им в 2021 г.²⁷²

Что касается *общего* (раз)решения «классических проблем» безопасности (рекомендаций без «архитектуры»), то, помимо вышеприведенного и с учётом непрекращающихся на национальном и межгосударственном уровнях процессов, а также предыдущего исключения из предмета анализа данной работы

²⁷¹ В этом контексте см. известные проекты сотрудничества: интеграция интеграций; принцип неделимости безопасности Евро-Атлантики; «совместное решение международных и региональных проблем» (Мешков А.Ю. Указ. соч. С. 14. По проектам: С. 13-14). О «Большой Евразии» см.: Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международная жизнь. 2017. №5. С. 11-14.

²⁷² Синдеев А.А. Проблемы общеевропейской безопасности... С. 77-94.

способности сотрудничать в больших форматах, можно было бы обсудить на диалоговых площадках пять направлений (мер).

Во-первых, механизмы, средства и пути временной заморозки всех европейских конфликтов в их актуальном состоянии. Ожидаемый результат: не столько признать статус-кво, сколько провести ревизию собственных возможностей в долгосрочном конфликте на континенте. При всей фантастичности подобного предложения акценты на долгосрочности и эволюционном национальном развитии могут оказаться решающими, если речь пойдёт обо всех без исключения конфликтах, об их глобальном и региональном измерениях.

Во-вторых, процесс согласованной классификации всех проблемных комплексов²⁷³ и выявление наиболее значимых из них, а из значимых – тех, в которых в самое ближайшее время могут быть достигнуты подвижки в случае инициирования по ним официальных и неофициальных диалогов²⁷⁴. Ожидаемый результат: выйти из кризисного модуса, заменить привыкание к нормальности кризиса эффективностью взаимодействия.

В-третьих, перспективы обнаружения конечной *конкретной* цели каждого из региональных игроков по каждому из проблемных комплексов. Ожидаемый результат: активизировать заложенный в проблемном подходе потенциал плановости. Кроме того, общественность европейских стран должна знать, чего добивается их руководство. Отказ от обнаружения будет означать нарушение собственных демократических ценностей.

В-четвёртых, возможности задействования для решения

²⁷³ Авторские проблемные комплексы – это лишь один из дискуссионных вариантов.

²⁷⁴ Это, по всей видимости, является и основным критерием иерархии проблемных комплексов. В настоящее время приоритет имеют проблемные комплексы новых пространств, поскольку они позволяют достигнуть больших успехов. Подобные широкие комплексы, в которые в последующем легко включилась бы традиционная проблематика общеевропейской безопасности, нужно *постоянно* находить и разрабатывать *впрок*. Тем более анализ развития мира должен учитывать фактор цикличности. Вспомним тезис Ал.А. Громыко о том, что «[ф]ормационная история МО сопровождается не только цикличностью насилия, но и цикличностью шаблонов региональных и мировых конфигураций силы» (Громыко Ал.А. Формационный подход к развитию международных отношений // Современная Европа. 2015. №5. С. 7).

разных проблемных комплексов разных площадок и форматов. Ожидаемый результат: добиться системной одновременной формально-обязательной (см. второе предложение) и неформальной (например, через экспертные группы) работы по всем комплексам.

В-пятых, временный частичный и полный отказ от взаимных санкций. Ожидаемый результат: возвращение к привычной нормальности и её преимуществам.

С точки зрения политики безопасности в её проблемном («классическом») и в фундаментальном подходах современность – это время экспертов. Ни одна страна в Европе не сможет обойтись без использования потенциала собственного экспертного сообщества. С его помощью может быть запущено сотрудничество в больших форматах, без которого реальная политика безопасности не скоро возникнет.

Российские политологи многое предвидели. Поэтому нужно лучше использовать их потенциал, ставя перед ними конкретные задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова О.К. Отдельные аспекты деятельности ОБСЕ по обеспечению европейской безопасности // Образование и право. 2019. №5. С. 11-17.
2. Айвазян А.С. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? М.: ИЕ РАН, 2022. 156 с. DOI: 10.15211/report32022-389
3. Александрия О.М. Ядерная безопасность и российско-американское взаимодействие // Международные процессы. 2014. Т. 12. №4(39). С. 116-127.
4. Анненков В.И., Кононов Л.А., Фокин Ю.Е. Перспективы международного сотрудничества в ядерной сфере // Международная жизнь. 2015. №5. С. 19-31.
5. Аничкина Т.Б. Высокоточное конвенциональное оружие большой дальности и контроль над ядерными вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №9. С. 14-21. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-14-21
6. Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия (Новые технологические факторы и будущее системы контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №6. С. 9-23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-9-23
7. Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №11. С. 5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16
8. Арбатов А.Г. Грядёт ли гонка без правил? (Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №5. С. 24-35. — DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-24-35
9. Арбатов А.Г. Особенности национальной противоракетной обороны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №6. С. 6-20. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20
10. Атабай Э.И. Военные взаимоотношения России и Армении в рамках ОДКБ в контексте безопасности на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. №3. С. 257-262.
11. Бабуркин С.А. Российский подход к формированию ев-

ропейской системы безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2004. №4(41). С. 1-8.

12. Барбашина К.В. Перспектива создания Центра обмена данными Россия – НАТО на территории Европы // Россия и Америка в XXI веке. 2021. №4. DOI: 10.18254/S207054760017778-2

13. Бартош А.А. Гибридная война в Арктике // Мировая политика. 2018. №3. С. 59-73. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.3.21010

14. Батюк В.И. «Стратегический треугольник» и Европа // Международная жизнь. 2021. №7. С. 31-41.

15. Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. №3. С. 207-220. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-207-220

16. Безрукова А.Ю. Россия и ОБСЕ – новое будущее начинается сегодня // Современная Европа. 2015. №4. С. 81-92. DOI: 10.15211/soveurope420158192

17. Бекетов Н.В. Политико-правовые аспекты глобальной информационной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. №3(24). С. 76-83.

18. Белобров Ю.Я. НАТО нацелилась превратить космос в собственную вотчину // Международная жизнь. 2022. №4. С. 4-15.

19. Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Новые поколения внешнеполитических доктрин России // Международная жизнь. 2022. №6. С. 8-19.

20. Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. №2. С. 8-25.

21. Богатуров А.Д. «Украинский вызов» и альтернативы внешней политики России // Международные процессы. 2014. Т. 12. №4(39). С. 6-16.

22. Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. №3(38). С. 8-22.

23. Бойко С.М. Новые стратегические ориентиры России в области международной информационной безопасности // Меж-

дународная жизнь. 2021. №6. С. 52-61.

24. Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. №2. С. 138-146.

25. Бродовская Е.В., Тягина М.В., Давыдова М.А. Репрезентация российско-турецких отношений в социальных медиа (2020–2021 гг.) // Известия Тульского государственного университета: Гуманитарные науки. 2022. №3. С. 3-15. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-3-15

26. Бубнова Н.И. Страновые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №6. С. 21-39. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39

27. Букин Д.В. На пути к универсальной конвенции о противодействии информпреступности // Международная жизнь. 2022. №7. С. 20-23.

28. Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США в атомной энергетике // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 70-88. DOI: 10.31857/S268667300016434-7

29. Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. Российская система внешнеполитической экспертизы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. №5. С. 266-292. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292

30. Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. Экспертно-аналитическая поддержка внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. №5. С. 22-48. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-22-48

31. Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. Вып. №5. С. 50-67. DOI: 10.31857/S2686673022050042

32. Володин Д.А. Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950–1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 114-126. DOI: 10.31857/S268667300016437-0

33. Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №3. С. 41-60. DOI: 10.31857/S2686673022030038
34. Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Антироссийские санкции // Современная Европа. 2016. №2. С. 22-27. DOI: 10.15211/soveurope220162227
35. Громыко Ал.А. Новая реальность и европейская безопасность // Современная Европа. 2016. №5. С. 6-20. DOI: 10.15211/soveurope520160620
36. Громыко Ал.А., Белов В.Б. Нормандский формат и Мюнхенская конференция по безопасности: противоречивый результат // Современная Европа. 2016. №2. С. 10-12. DOI: 10.15211/soveurope220161012
37. Громыко Ал.А., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. №2. С. 13-16. DOI: 10.15211/soveurope220161316
38. Громыко Ал.А. О проблемах и перспективах развития Европейского союза // Проблемы национальной стратегии. 2022. №4(73). С. 71-83. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_71
39. Громыко Ал.А. О стратегическом мышлении // Современная Европа. 2016. №2. С. 6-9. DOI: 10.15211/soveurope220160609
40. Громыко Ал.А. Формационный подход к развитию международных отношений // Современная Европа. 2015. №5. С. 5-13. DOI: 10.15211/soveurope520150513
41. Гулиев О.Э. Многовекторная внешняя политика Турции в контексте ближневосточных политических процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. №1(70). С. 118-127. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_118
42. Гумелёв В.Ю., Елистратов В.В., Рагозин А.Н. Арктика как объект геополитики // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2018. №11 (ноябрь). С. 1-18. DOI: 10.24411/2304-120X-2018-13074
43. Гусев А.Б., Юревич М.А., Екимова Н.А., Адвокатова А.С. Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия // Terra Economicus. 2022. №20(2). С. 21-39. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-21-39

44. Давыдов А.С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №8. С. 81-91. DOI: 10.31857/S268667300016029-1
45. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. №1. С. 261-269. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10140
46. Данилов Д.А. Кризис европейской системы безопасности: Украина на пути к НАТО // Международная жизнь. 2015. №3. С. 88-104.
47. Данилов Д.А. Финляндия и Швеция на пути в НАТО // Обо-зреватель – Observer. 2022. №5-6. С. 27-39. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_5-6_27
48. Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №8. С. 5-12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12
49. Дворкин В.З. Как сохранить Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №10. С. 22-25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-22-25
50. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: концепции и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №12. С. 50-55. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-50-55
51. Дзарасов Р.С. Интересы США в Евразии и Украине // Международная жизнь. 2015. №9. С. 96-113.
52. Дробинин А.Ю. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь. 2022. №8. С. 4-15.
53. Евсюков А.В., Хряпин А.Л. Роль новых систем стратегических вооружений в обеспечении стратегического сдерживания // Военная мысль. 2020. №12. С. 26-30.
54. Дмитриев В.А., Тынянова О.Н. Безопасность Арктики // Труды Института государства и права РАН. 2012. №1. С. 194-205.
55. Журавель В.П. Арктический вектор стран Большой Евразии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №6. С.

99-104. DOI: 10.15211/vestnikieran6201999104

56. Журавель В.П. Арктический совет: в ожидании председательства России // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1. С. 115-118. DOI: 10.15211/vestnikieran12020115118

57. Журавель В.П. Вызовы и угрозы военной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №2. С. 217-224. DOI: 10.15211/vestnikieran2201832

58. Журавель В.П. Новые угрозы национальной безопасности России в Арктике: проблемы противодействия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 226. №6. С. 85-98. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-226-6-85-98

59. Журавель В.П. О председательстве России в Арктическом совете: программа и первые итоги // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 233. №1. С. 147-167. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-233-1-147-167

60. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с. DOI: 10/20542/978-5-9535-0492-8

61. Загорский А.В. Безопасность в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 114 с. DOI:10.20542/978-5-9535-0570-3

62. Загорский А.В. Хрупкое спокойствие Арктики // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №9. С. 97-102. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-97-102

63. Загорский А.В. Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №6. С. 128-143. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-128-143

64. Зберя В.А. Некоторые аспекты оборонной политики Канады и США в Арктике (2000–2020 гг.) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №4. С. 18-33. DOI: 10.31857/S268667300014336-9

65. Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе // Международные процессы. 2019. Т. 17. №3(58). С. 51-65.

66. Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом: проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО(У). 2010. №6(15). С. 167-174.

67. Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №3. С. 117-127. DOI: 10.15211/soveurope32020117127
68. Иванов О.П., Копылов А.В. Применение вооружённых сил США за рубежом: Правовые основы и политическая практика // Обозреватель – Observer. 2021. №3. С. 27-41. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_3_27
69. Истомина Н.А. Модель участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом на международном уровне // Право и политика. 2020. №5. С. 90-109. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.5.32923
70. Калганов В.А., Рыжов Г.Б., Соловьев И.В. Стратегическое сдерживание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2022. №8. С. 6-14.
71. Калита В.Н. Перспективы российско-украинских отношений: В свете транзита власти в Киеве // Обозреватель – Observer. 2019. №9. С. 48-58.
72. Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международная жизнь. 2017. №5. С. 6-18.
73. Козлов В.О., Баяк А. Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №3. С. 112-126. DOI: 10.31857/S2686673022030075
74. Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №10. С. 63-77. DOI: 10.31857/S268667300016898-7
75. Колодезникова М.В. Проблемы Арктики: что ждёт Арктику // Международный научный журнал «Вестник науки». 2020. №6(27). Т. 4. С. 63-65.
76. Кривопапов А.А. Военные возможности России на фоне украинского кризиса // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 41-58. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-41-58.
77. Лебедева М.М., Юрьева Т.В. Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты // Вестник МГИМО(У). 2011. №5. С. 122-131.

78. Лункин Р.Н. Влияние украинского фактора на внешнюю политику Русской Православной Церкви // Современная Европа. 2020. №4. С. 155-164. DOI: 10.15211/soveurope42020155164
79. Малинкин В.В., Кошкин А.Р., Федоренко А.М. Форум ООН по вопросам управления Интернетом. Есть ли у него будущее? // Международная жизнь. 2022. №2. С. 56-61.
80. Маркедонов С.М., Ребро О.И., Сушенцов А.А., Чечевишников А.Л. Политика США на украинском направлении (1991–2013): между сдержанностью и всесторонней поддержкой // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №4. С. 15-25. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-15-25
81. Мартынов В.Л., Кузин В.Ю. Границы Арктики и границы в Арктике // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2018. №2(16). С. 4-17.
82. Международная информационная безопасность: Теория и практика. Учебник в 3-х т. / под ред. А.В.Крутских. М.: Аспект-Пресс, 2019 – Т. 1. 384 с.; Т. 2. 784 с.; Т. 3. 621 с.
83. Мельникова Ю.Ю. На пути к стратегической автономии ЕС: промежуточные итоги // Современная Европа. 2021. №7. С. 123-132. DOI: 10.15211/soveurope72021115124
84. Меньшикова А.М. Особенности внешнеторговой политики демократической администрации Дж. Байдена // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №11. С. 80-92. DOI: 10.31857/S268667300017222-4
85. Мешков А.Ю. Россия – Европа: что дальше? // Международная жизнь. 2015. № 9. С. 6-15.
86. Мехдиев Э.Т. Роль многосторонней дипломатии в условиях глобализации на примере ОБСЕ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3(10). С. 87-95.
87. Мироненко В.И. О некоторых аспектах евроинтеграции Украины в 1991–2014 гг. // Современная Европа. 2018. №4. С. 68-78. DOI: 10.15211/soveurope420186878
88. Мироненко В.И. Украина. Первый год президента В. Зеленского // Современная Европа. 2020. №5. С. 121-131. DOI: 10.15211/soveurope52020121131
89. Мироненко В.И. Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. М.: ИЕ РАН, 2020. 98 с. DOI:

10.15211/report102020_377

90. Надточей Ю.И. Манифестации взаимозависимости в российско-американских отношениях // Международные процессы. 2020. Т. 18. №2(61). С. 48-70. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.4

91. Неймарк М.А. Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе // Обозреватель – Observer. 2022. №1. С. 1-10. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_01_5

92. Никольский М.А. Перспективы развития европейской оборонной политики // Гуманитарный акцент. 2021. №2. С. 53-57.

93. Никуличев Ю.В. «Пробуждение спящей красавицы»: программа PESCO между атлантизмом и европеизмом // Проблемы европейской безопасности. 2018. №3. С. 47-63.

94. Новиков А.А., Медведков С.А. Международные обязательства в сфере ограничения ядерных вооружений // Военная мысль. 2021. №9. С. 6-17.

95. Орлов С.Л. Слово об Украине // Актуальные проблемы эконо-мики и права. 2015. №3. С. 279-283.

96. Печатнов В.О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №10. С. 5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16

97. Подберёзкин А.И. Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года // Обозреватель – Observer. 2022. №5-6. С. 5-26. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_5

98. Подберёзкин А.И. Мир или война? Ни мир и ни война? // Обозреватель – Observer. 2022. №1. С. 11-33. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_01_15

99. Потемкина О.Ю., Шариков П.А., Кавешников Н.Ю., Бажан А.И., Рогинко С.А. Последствия «украинской европерспективы» для Европейского союза // Аналитические записки ИЕ РАН. 2022. Вып. II. №18(285). С. 52-72 DOI: 10.15211/analytics218202215257

100. Райков Ю.А. Россия и США в Арктике: от конкуренции к противостоянию // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №1. С. 39-52. DOI: 10.31857/S2686673022010035

101. Рахманинов Ю.Н. Место и роль Хельсинского процес-

са в современном мире // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2001. №1. С. 130-137.

102. Рябков С.А. «Мы должны положить конец продвижению НАТО на Восток» // Международная жизнь. 2022. №1. С. 4-9.

103. Рябков С.А. «Само наше существование становится в их восприятии источником тревоги по поводу безусловного характера американского доминирования в мире» // Международная жизнь. 2021. №8. С. 4-13.

104. Рогов С.М. Американо-китайское противоборство и Россия // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №8. С. 69-74. DOI: 10.31857/S268667300016026-8

105. Савенкова Д.Д. Кибербезопасность финансово-кредитных организаций в условиях новых вызовов и угроз в цифровом пространстве // Право и государство: теория и практика. 2018. №4(160). С. 126-131.

106. Савойский А.Г. Взлёт и падение российско-американских отношений: обзор событий последних десятилетий до Женева // Международная жизнь. 2021. №6. С. 14-21.

107. Себекин С.А. Постоянная вовлечённость в киберпространстве. Новая стратегия США и её соотношение с концепцией киберсдерживания // Международные процессы. 2020. Т. 18. №3 (62). С. 100-106. DOI: 10.17994/IT.2020.18.3.62.3

108. Сеидов Ш.Г. Роль информационных процессов в изменении современных международных отношений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. №1. С. 98-105.

109. Семедов С.А. Информационные технологии трансформируют международные отношения // Обозреватель – Observer. 2022. №3. С. 40-42. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_3-4_39

110. Соколов Н.А., Рябухин Д.А. К проблеме противодействия беспилотным летательным аппаратам в условиях ограниченных ресурсов. Опыт Карабаха // Известия ЮФУ: Технические науки. 2022. №1. С. 17-29. DOI: 10.18522/2311-3103-2022-1-17-29

111. Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США – КНР // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 89-105. DOI: 10.31857/S268667300016435-8

112. Ступаков В.И. Инициативы евразийских государств по

обеспечению международной и региональной информационной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. №3. С. 72-83.

113. Супян В.Б. Экономика Байдена: итоги первого года // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. №5. С. 5-19. DOI: 10.31857/S2686673022050017

114. Супян В.Б. Экономика США после кризиса 2020 г.: перспективы восстановления // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №4. С. 5-17. DOI: 10.31857/S268667300014335-8

115. Тимофеев П.П. Сравнительный анализ приоритетов Франции и ФРГ в развитии PESCO // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. №2. С. 33-47. DOI: 10.20542/afij-2019-2-33-47

116. Тонкошкуров В.П., Шигин А.В. Нагорный Карабах: российская миротворческая операция // Военная мысль. 2022. №4. С. 44-50.

117. Федорович В.Ю. Что такое «киберпреступление»? Вестник Московского университета МВД России. 2020. №3. С. 15-17.

118. Фёдоров В.П. Арктические преобразования // Современная Европа. 2018. №1. С. 5-14. DOI: 10.15211/soveurope120180514

119. Фененко А.В. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: история и перспективы // Вестник МГУ. Сер 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. №2. С. 22-50.

120. Фролов А.В. Размышления о «красных линиях» и госинтересах // Обозреватель – Observer. 2022. №2. С. 1-14. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_02_5

121. Чекова Ж.М. Формирование глобальной системы информационной безопасности будущего: новые ракурсы // Международная жизнь. 2021. №5. С. 58-63.

122. Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2019. Т. 17. №4(59). С. 36-48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3

123. Шаклеин В.В. Сценарии будущего России в оценках американских экспертов // Международные процессы. 2015. Т.

13. №3(42). С. 108-120. DOI: 10.17994/IT.2015.13.3.42.7

124. Шаклеина Т.А., Шаклеин В.В. Стратегия США после Обамы. Какое наследие оставили демократы республиканцам // Международные процессы. 2016. Т. 14. №4(47). С. 49-66. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.4

125. Шариков П.А. Эволюция американской политики кибербезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №10. С. 51-58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-51-58

126. Швырков А.И. Украина: закономерности распада // Полития. 2014. №2(73). С. 34-47.

127. Штоль В.В., Задохин А.Г. Информационно-коммуникационные технологии и информационная безопасность России // Обозреватель – Observer. 2022. №5-6. С. 66-78. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_66

128. Штоль В.В., Мельникова О.А. Роль Интернета в жизни современного общества // Обозреватель – Observer. 2022. №3-4. С. 43-48. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_3–4_39

129. Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность: монография. СПб.: Алетейя; Институт диаспоры и интеграции, 2019. 429 с.

130. Шумилов М.М., Шумилов Ю.М. Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания пантюркистской армии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. Вып. 5: Часть 1. С. 322-326.

131. Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе / отв. ред К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН, 2022. 194 с. DOI: 10.15211/report42022-390

132. Яникеева И.О. Перспективы механизма санкций СБ ООН по вопросам международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2022. №5. С. 106-115.

133. Ясносокирский Ю.А. Международное информационное право как регулятор международных отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий // Международная жизнь. 2022. №3. С. 88-91.

ОБ АВТОРЕ

Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН. Автор 5 монографий. С 2016 по 2021 г. опубликовал 20 статей в журналах, входящих в международные базы Web of Science и Scopus; 26 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, из них по проблемам европейской безопасности – 40 статей. Общее количество статей в остальных журналах, сборниках и глав в коллективных монографиях с 2016 по 2021 год – 28.

ABOUT THE AUTHOR

Alexei A. Sindeev, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Author of 5 monographs. From 2016 to 2021, published 20 articles in journals included in the international databases Web of Science and Scopus; 26 articles in journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Of these, 40 articles on European security issues. The total number of articles in other journals, collections and chapters in collective monographs from 2016 to 2021 is 28.

**В 2021–2022 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

379. Германия. 2020. Отв. ред. В.Б.Белова ДИЕ РАН №379. М., 2021 г.
380. М.В.Ведерников. Словакия: от европейской идеи до членства в ЕС. ДИЕ РАН №380. М., 2021 г.
381. Р.Н.Лункин. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. ДИЕ РАН, №381. М., 2021 г.
382. Мусульмане в Европе. Сосуществование, взаимодействие, межкультурный диалог. Отв. ред. А.К.Камкин. ДИЕ РАН №382. М., 2021 г.
383. В.Я.Швейцер. Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века. ДИЕ РАН №383. М., 2021 г.
384. А.А.Синдеев. Проблемы общеевропейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН №384. М., 2021 г.
385. В.Е.Язькова. Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций. ДИЕ РАН №385. М., 2021 г.
386. Британия после брекзита. Отв. ред. К.А.Годованюк. ДИЕ РАН №386. М., 2021 г.
387. Фактор Китая в Средиземноморье. Отв. ред. О.В.Буторина, Е.С.Алексеев. ДИЕ РАН №387. М., 2022 г.
388. Б.П.Гуселетов. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. ДИЕ РАН №388. М., 2022 г.
389. А.С.Айвазян. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? ДИЕ РАН №389. М., 2022 г.
390. Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе. Отв. ред. К.Н. Гусев. ДИЕ РАН №390. М., 2022 г.
391. В.Я.Швейцер. Политические проблемы современной Австрии. ДИЕ РАН №391. М., 2022 г.
392. А.В.Котов. Концепция региональной «умной специализации»: опыт реализации в ФРГ. ДИЕ РАН №392. М., 2022 г.
393. Германия. 2021. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №393. М., 2022 г.
394. Этнополитические процессы в современной Европе. Отв. ред. П.В.Осколков. ДИЕ РАН №394. М., 2022 г.
395. Общество и политика в «эру COVID-19». Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН №395. М., 2022 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2021–2022

379. Germany. 2020. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №379. M., 2021.
380. M.V.Vedernikov. Slovakia: from European idea to EU membership. Reports of the IE RAS, №380. M., 2021.
381. R.N.Lunkin. Fears and Hopes of the Europeans in the context of Pandemic. Reports of the IE RAS, №381. M., 2021.
382. Moslems in Europe. Coexistence, cooperation, dialogue of civilizations. Ed. by A.K.Kamkin. Reports of the IE RAS, №382. M., 2021.
383. V.J. Schweitzer. The party and political system of the European Union at the beginning of the XXI century. Reports of the IE RAS, №383. M., 2021.
384. A.A.Sindeev. Problems of commoneuropean security in the works of russian political scientists. Reports of the IE RAS, №384. M., 2021.
385. V.E.Yazkova. Catholic church and challenges of modernity in Italy: evolution of approaches and interpretations. Reports of the IE RAS, №385. M., 2021.
386. The United Kingdom after brexit. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, №386. M., 2021.
387. The China Factor in the Mediterranean. Ed. by O.V.Betorina, E.S.Alekseenkova. Reports of the IE RAS, №387. M., 2022.
388. B.P.Guseletov. Trans European political parties in XXI century: formation, development, prospects. Reports of the IE RAS, №388. M., 2022.
389. A.S.Ayvazyan. The EU policy in the South Caucasus states: democracy, prosperity, security? Reports of the IE RAS, №389. M., 2022.
390. The stage of the special military operation in Ukraine. The anatomy of the anti-Russia policy in Europe. Ed. by K.N.Gusev. Reports of the IE RAS, №390. M., 2022.
391. V.J. Schweitzer. Political problems of modern Austria. Reports of the IE RAS, №391. M., 2022.
392. A.V.Kotov. The concept of regional smart specialization: implementation experience in Germany. Reports of the IE RAS, №392. M., 2022.
393. Germany. 2021. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №393. M., 2022.
393. Ethnopolitical processes in contemporary Europe. Ed. by P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, №393. M., 2022.
395. Society and politics in the «COVID-19 era». Ed. by V.J. Schweitzer. Reports of the IE RAS, №383. M., 2021.

Научное издание

Алексей Александрович Синдеев
«КЛАССИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ»
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Доклады Института Европы
№ 396

Подписано в печать 15.12.2022 г. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 6,75. Тираж 300 экз. Заказ 812357

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы Российской академии наук

125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96

E-mail: europe-ins@mail.ru Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П.И.,

394052, Воронежская область, г. Воронеж,

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru